

Мария Лунёва

ТАНЦЫ В ТУМАНЕ

Мария Лунёва
Танцы в тумане

«Мария Лунева»

2019

Лунёва М.

Танцы в тумане / М. Лунёва — «Мария Лунева», 2019

«...Туман. Он стелился по земле ковром, укрывая молодую, но серую, понурюю траву. Ещё лето в силу не вступило, а это место уже иссушила тьма. Выбравшись из свежерытой ямы, рослый мужчина внимательно осмотрелся. Услышав шум, не мог сообразить, откуда он. Мёртвые глаза всматривались в белесую пелену. Там сквозь занавесы тумана пробирался отряд гурон. Его хозяева вели новых жертв. Как будто предыдущих мало было. Вторую яму уже под могилу вырыли. Не каждый убитый его рукой поднимался. Туман обходил стороной магически пустых людей. Помявшись на месте, мертвяк сел на землю и бестолково уставился на свою ладонь. Там красовалась свежая царапина, но она не кровоточила. Он, вообще, старался избегать даже таких травм. Ведь они практически не заживают. — Северянин, — услышав своё прозвище, мужчина вскинул голову...»

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	23
Глава 7	26
Глава 8	29
Глава 9	32
Глава 10	35
Глава 11	38
Глава 12	41
Глава 13	44
Глава 14	47
Глава 15	50
Глава 16	53
Глава 17	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Мария Лунева

Танцы в тумане

Пролог

Туман. Он стелился по земле ковром, укрывая молодую, но серую, понурую траву. Ещё лето в силу не вступило, а это место уже иссушила тьма.

Выбравшись из свежерытой ямы, рослый мужчина внимательно осмотрелся. Услышав шум, не мог сообразить, откуда он. Мёртвые глаза всматривались в белесую пелену. Там сквозь занавесы тумана пробирался отряд гурон.

Его хозяева вели новых жертв.

Как будто предыдущих мало было. Вторую яму уже под могилу вырыли. Не каждый убитый его рукой поднимался. Туман обходил стороной магически пустых людей.

Помявшись на месте, мертвяк сел на землю и бестолково уставился на свою ладонь. Там красовалась свежая царапина, но она не кровоточила. Он, вообще, старался избегать даже таких травм. Ведь они практически не заживают.

– Северянин, – услышав своё прозвище, мужчина вскинул голову.

К нему вели с десятков пленников. В основном чахлые мужички, но позади он сумел различить и несколько женских фигурок. Как воробышки, они жались друг к другу, понимая, что ничего хорошего их тут не ждёт.

Увидя парящие у самого щита белоснежные души, которые здесь почему-то называли тени, женщины и вовсе разревелись.

Но жалости мёртвый не испытывал.

Эмоции! Он уже и не помнил, что это.

Отвернувшись, неупокоенный прошёлся к покосившемуся, но всё ещё крепкому сараю и отворил дверь. Всмотревшись в пустое помещение, на мгновение забылся. В памяти вспыхнули картины его жизни. Такой же сарайчик, полки до потолка. На них в деревянных ящиках инструменты отца. Старик любил плотничать. А что же ещё там находилось? Мёртвый покрывил головой. Он не помнил.

Тут имя бы своё не забыть.

Это всё, что заботило мужчину. Он боялся потерять последнюю нить, связывающую сознание с душой.

– Принимай новеньких, – раздалось за его спиной.

Отойдя в сторону, мертвец без интереса проследил, как пленных загоняют в сарай. Его взгляд уцепился за черноволосую девушку.

Красавица.

В воздухе расплылся аромат сирени.

Мёртвый встал как вкопанный.

Этот запах.

Как любил он его когда-то. Память, стряхнув с себя пыль, засверкала картинками бывшего. Сад, огороженный высокими цветущими кустами. Сиреневая рябь и аромат. Такой насыщенный и пьянящий.

Так пахла его прежняя жизнь.

Сиренью благоухало его детство.

И дом.

Мёртвый будто впервые увидел то, что окружает его.

Туман, гуроны, неупокоенные, тени.

Взглянув на свои руки, он вздрогнул...

Кожа была серой, неестественно бледной.

Да, он ведь умер.

Когда?

В какой момент его сердце перестало биться?

Мужчина пожал плечами. Он и не заметил, как жизнь ушла.

– Северянин, что ты опять стоишь столбом?! Барьеру необходимы души. Этих умертви до заката и аккуратнее, тела должны быть целыми. Нам нужна армия.

Тела, армия...

Мертвяк обернулся на алтарь, что стоял неподалёку. Гладкий ровный камень, покрытый рунами. Там странная бабка проводила свои обряды, после которых убитые поднимались и вели себя как марионетки. Это настораживало его. Такая сила ненормальна.

Жрица творила плохие дела. Но его они не касались.

– Начинай, – выдернув одного из мужичков из сарая, гурон толкнул его мертвому палачу, – не тяни, северянин.

Снова пожав плечами, мертвяк схватил бедолагу за шею и потащил к яме. Пленник не успел ни звука издать, как заточенное остриё ножа мягко вошло в его спину, перерезая позвонки.

Тело упало, вверх вспорхнула серая душа.

Она металась под магическим куполом, пытаясь вырваться, ещё не понимая, что обречена. Туман свои души не выпускает.

Ещё один пленник и ещё.

Третий убитый дрогнул на дне могилы и, пошатываясь, поднялся. Неразборчиво замычав, новоиспечённое умертвие натолкнулось на стену ямы и упёрлось в неё лбом.

– Бестолковый, – раздражённо проворчал гурон, – чем больше на них смотрю, тем ценнее ты в моих глазах, северянин. Хороший из тебя раб.

Мужчина, не обращая внимания на своего хозяина, ухватил мертвяка за руки и выдернул наружу, вслед за ним поднялись и остальные.

Смеркалось, когда из сарая вывели последнюю женщину. Взгляд северянина метнулся к ней и нож в руке дрогнул.

Черноволосая красавица беспомощно плелась к нему навстречу. Такая ранимая, нежная...

Он вновь ощутил сладкий пьянящий аромат сирени. Мёртвое сердце дрогнуло. Это напомнило ему о чём-то важном.

Но он не понимал.

Его взгляд снова метнулся к женщине, она манила его. Мысли беспорядочно вспыхивали в его голове.

В серых как грозовое облако очах девушки плескался страх. Красавица смотрела на него с ужасом, и это не нравилось мужчине. Не то он желал видеть в её глазах. Гурон толкнул черноволосую девушку вперёд, и она, не успев остановиться, по инерции врезалась умертвию в грудь.

Тепло.

Глухой удар сотряс грудную клетку неупокоенного.

Сердце.

Оно оживало.

– Северянин, ты с ней в обнимку долго стоять будешь?! Заканчивай и иди в сарай, на сегодня работы больше нет.

Услышав эти слова, мужчина вздрогнул и опомнился. Развернув девушку лицом к яме, приставил к её телу нож.

Она заплакала.

Эти слёзы были ему неприятны. Впервые его рука дрожала.

Он не мог нанести этот последний удар.

Что-то противилось этому.

Душа.

Мёртвый усмехнулся.

Повернув голову, пленница заглядывала в его лицо. В её глазах было столько надежды.

– Заканчивай с ней! – этот резкий окрик, заставил мужчину вздрогнуть.

Как по команде, он нанёс удар.

Она замерла.

Слезы скатились по гладким нежным щекам.

Опомнившись, он в ужасе смотрел на то, что совершил. Тело девушки обмякло в его руках. Она была мертва. Белоснежная чистая душа вспорхнула ввысь.

Он наблюдал за ней, не в силах оторвать взгляд.

Его собственная душа встрепенулась и сбросила с себя оковы забвения. Всюду ему чудился запах сирени.

Запах его единственной.

Упав на колени, неупоенный прижал к груди оживающее тело. Пустую оболочку, в которой больше не было её души.

Он собственными руками уничтожил ту, что обязан был защищать, любить и беречь.

Почему он не понял сразу?

В его груди тихо трепыхнулось сердце и совершило ещё один удар.

Девушка ожила и взглянула на него пустыми глазами.

– Прости, – шепнул он, – только прости.

Дёрнувшись, тело оскалилось.

– Ещё одна бестолковая, – подошедший гурон грубо выдернул тело из рук своего раба.

На лагерь опустилась ночь.

Глава 1

Три года спустя

– Лестра, я в последний раз тебе говорю «нет», – лицо Обертон пылало от гнева. Он, упрямо выпятив подбородок вперёд, нависал надо мной грозной несокрушимой горой. Давил своей ледяной аурой. И прожигал строгим взглядом дыры в моём лбу.

Только вот не на ту попал.

– Я хочу на юг сегодня! Не завтра, братец, и не на следующей неделе, – столь же упёрто стояла я на своём. По-другому с обитателями нашего дома, во всяком случае, с мужской половиной так точно, разговаривать было нельзя. Уж слишком они любили властвовать, а вот подчиняться нет. Идти на уступки – это уже не про них.

Мужчина зло поджал губы и втянул шумно воздух через нос. Кажется, у кого-то заканчивалось терпение.

– Нет, – прорычал он, – этот обоз недостаточно хорошо охраняется, чтобы я позволил тебе...

– Так, в чём проблема?! – перебила я его. – Усиль охрану, гер, дел-то!

Он ещё раз тяжело вздохнул, но сдаваться не желал. Из всех братьев Бессон Обертон был самым упрямым и несговорчивым. Вот Каил уже давно бы отряд сформировал для моей охраны и отпустил куда нужно.

Но, то Каил, а вот Обертон из принципа не уступит.

– Мне что делать больше нечего, чем приставлять к трём телегам с мукой маленькую армию? – судя по тому, как сухо звучали его слова, у кого-то скоро дым из ушей повалит. Беда этого мужчины была в том, что он, как непробиваемый вояка, не способен уступать. Единственная, кто мастерски умела скрутить его в бараний рог, в данный момент помочь мне не могла. Селестина уехала с утра на воскресную ярмарку, закупаться всем подряд.

Не вовремя это она, конечно.

– Обертон, я обещала Мояле приехать на её день рождения. Амэлла и Каил уже там... – предприняла я очередную попытку пробить броню в сопротивлении этого упряма.

– Вот и надо было ехать с ними! – взревел мужчина, перебивая меня. – А не дурить всем голову своими хотелками.

На мгновение я открыла рот, растерявшись. В этом доме редко кто на кого голос повышал, а уж на женщину тем более. Но Обертон сейчас натурально кричал. Это не пришлось мне по вкусу.

– Не ори на меня, – прищурившись, процедила, глядя ему в глаза. – Я не могла уехать вместе с ними, и тебе об этом прекрасно известно!

Шумно выдохнув, мужчина упёрся руками в бока.

– Ну, конечно, тут же была летняя ярмарка!

– Да, – я подняла указательный палец вверх, – и я клятвенно обещала, между прочим, твоей жене пойти на неё вместе с ней. Ты что хотел, чтобы я её расстроила?

Обертон в бессилии всплеснул руками и рухнул в кресло.

– Лестра, ну почему с тобой всегда так сложно? Что ни день, то проблема. Неужели трудно сначала подумать, а потом раздавать всем обещания направо и налево.

Я лишь пожала плечами: в этом он был прав. Я действительно бездумно ответила «да» и Мояле, и Селестине, вовремя не сообразив, что просто физически не успею быть в двух местах одновременно. Но...

– Обертон, я просто поеду с сегодняшним караваном через ворота, и всё. Нет проблемы! Её создаёшь ты на ровном месте.

– Я сказал тебе: «нет», упрямая ты женщина. Это не караван, а три телеги и десяток воинов.

– Ну, дай больше людей! – взревела уже я.

– Не могу, – холодно процедил он, – у нас разбойники на южном тракте объявились. Народ пропадает.

– Обертон, придумай что-нибудь, – я упёрто добивала его, знаю же, что всё он может, просто, не желает уступить.

– Я уже придумал и озвучил: ты едешь через неделю! – объявил он мне своё окончательное решение.

– Но я не успею на праздник, – взмолившись, жалобно заглянула в его необычные глаза с тлеющим в них красным огоньком. Они чётко указывали на то, что передо мной чистокровный Иной племени Снежных.

Обертон усмехнулся, разгадав мой манёвр.

– Лестра, нет. Это тебе урок. Зато в следующий раз будешь думать, что и кому обещаешь.

– Ну, Обертон, ну, миленький, – заканючила я.

– Нет, и разговор окончен.

Поднявшись, он отправился в сторону кухни.

Проследив взглядом за пепельноволосым гигантом, расстроено скрестила руки на груди. Красивый он мужчина, конечно, локоны густые, спускающиеся до талии, выглядели шикарно. Но характер у него... Договориться с этим гермом было просто нереально, а Каил уже уехал. Вульфрик и Сай, мужья моих родных сестёр, и слушать не захотят. Вардиган тоже отмахнётся. Тому и дела до меня нет. Он пойдёт к Обертону, а он повторит своё извечное: «Нет!»

А на день рождения княжны Моялы, ой как хотелось.

Она, конечно, замечательная женщина и не виделись мы давно, но, каюсь, была у меня и иная причина попасть к ней на именины. Более низменная и корыстная.

Да! Я преследовала свою особенную цель.

Там, на празднике, будут все варды клана Ригана Рэньмо, мужа Моялы. Ну, очень перспективные женихи. Вот ради них-то я и рвалась через ворота на именины. И ради этого я готова даже прокатиться на мешках с мукой. Чай не княжеских кровей, мне любая телега сойдёт.

Вот только как всё это повернуть?

Это была действительно проблема.

Обертон добро не даст. Значит, действовать буду хитростью.

Нужно всё обдумать.

Поднявшись с удобного мягкого дивана, я задумчиво прошла до кухни. Обертон сидел за столом и поглощал свежеежаренные котлетки одну за другой. Войдя в помещение, я взяла тарелку и, положив на неё немного овощей, нагло стащила у неговорчивого мужчины котлеты.

Он тяжело глянул, но промолчал.

Вот с этой самой тарелкой я и отправилась в комнату, составлять коварный план побега.

Мужчины в моей семье были умные, и так просто их не проведёшь. Но мне на руку было то, что сейчас они заняты. Почти все. Усевшись на стол у окна с тарелкой в руках, выглянула на улицу.

Вот они стоят три телеги уже загруженные доверху.

Как?

Как уехать вместе с ними?

Ни одной мысли в голове. Тяжело вздохнув, позавидовала своей старшей сестре, наделённой даром иллюзиониста. Вот она бы сейчас просто мужиком прикинулась и под этой личной ушла.

Мой же дар был абсолютно бесполезным.

Маг жизни.

Всё, что я могла, это в огороде урожаи поднимать. Делать чахлую морковку – крупной морковкой, вялый кустик щавеля – толстым пушистым кустиком. Но ввиду того, что от голода мы уже давно не страдали, дар свой я задвинула подальше. Толку от него никакого.

Разве что идти на ратные подвиги в Туман и отлавливать тела для неприкаянных душ.

Но это тоже было так себе занятие.

Вынырнув из тяжёлых раздумий, я вгрызлась в помидорку.

К обозам подкатили ещё одну открытую телегу. Заинтересовавшись, я отложила тарелку в сторону и присмотрелась.

Ха, да это для служанок.

И Обертон молчал.

Вот он мой шанс проскочить на юг уже сегодня вечером.

К Мояле отправляли девушек, желающих работать за туманной стеной, и затеряться мне среди них ничего не стоило. Надену плащ с капюшоном, в руки возьму узелочек с вещами, никто и не посмотрит.

Я обязана быть на празднике! Не могу я упустить возможность блеснуть перед вардами безликих. Там один другого сильнее и богаче, а мне замуж давно пора, и без того в девках засиделась, того и гляди, первая морщинка на лице появится.

Метнувшись к шкафу, я вынула платок попроще и расстелила его на кровати. Кинула на него наспех сложенное нарядное платье, в котором и перед женихами появиться не грех, ещё пару женских мелочей, сменное бельё и хватит. Остальное Мояла выдаст, да Амэлла с собой большой багаж вещей взяла.

Усмехнувшись, я завязала узелок.

Вот так вот! Я не пропущу такое событие, и, видят боги, я заполучу своего мужчину.

Будет и у меня муж и свой дом.

Глава 2

Спрыгнув со стола, я мгновенно сориентировалась. Нужно действовать. Время уходит. Вынув из шкафа простенькое платье, спешно переоделась и, захватив с собой плащ, крадучись отправилась на выход.

Но остановилась. С плащом и узелком в руках я как-то подозрительно выглядела.

Сразу же поймут, если увидят, что к чему.

Накинув на плечи плащ, спрятала под него вещи, и уже было дошла до главных дверей, но тут сообразила, что лучше воспользоваться задним входом для прислуги.

Пришлось возвращаться и пробираться теперь уже через правое крыло.

Дойдя до кухни, замерла. Обертон всё ещё обедал. Чего он возится?! У него на тарелке три котлеты всего оставались. Нескончаемые они, что ли?! Или ещё чего съестного нашёл.

Вжавшись в стену, я буквально на цыпочках прошла открытое пространство и, послав триумфальный взгляд в спину мужчины, рванула через коридор к дверям.

Пока удача была на моей стороне.

Через аллею прокралась к казармам, а там пристроилась к двум женщинам, которые, судя по узелкам, так же, как и я, рвались на юг.

Только они на заработки, а я за долгожданным мужем.

За три года, что я прожила на севере, успела и подзабыть, как там всё в родном краю. И теперь даже не терпелось вновь увидеть родненькую деревню, княжество и...

Ну да, праздник.

Все мои мысли сходились на одном – замуж хочу, и всё тут.

Никакого терпения не оставалось.

Сёстры с детишками уже. У Томмали – дочь, у Эмбер – сынишка, а я всё не определилась.

Несправедливо как-то.

Но ничего! Я доберусь до клана безликих и, если нужно будет, каждому варду, геру, и просто приближённым воинам томно в глазки по три раза загляну, чтобы уж наверняка с избранным не промахнуться.

Прибавшись к мнущимся у телеги женщинам, старалась даже головы не поднимать.

Рядом расхаживали пепельноволосые воины Обертон. В основном мужчины племени снежных. Пожилой шупленький возница проверял колёса, ось, тормозные рычаги. Прижимая свой узелок к груди, я почувствовала странное волнение.

Предчувствие, что ли.

В моей голове робко подало голос сомнение.

А, может, зря я так порывисто.

Ну, неспроста же Обертон в позу встал и запретил мне ехать. Да, он вредный очень, но зла мне никогда не делал. Ещё и разбойники эти на дорогах южных.

Осмотревшись, я отошла на два шага и пыталась разобраться в себе.

Может, не стоит так рисковать. Ведь будут ещё праздники и много возможностей найти жениха.

Ну, да, конечно!

Я посмеялась над собственными мыслями.

За три года это первый раз, когда варды безликих приехали в княжество Охрил. До этого такой чести они не оказывали. И непонятно, когда ещё такое будет. Моя беременная, Риган не любитель застолий. Ясно что: либо сейчас, либо неизвестно когда.

В наш дом тоже гости не заезжали. Всех желающих заглянуть мне в глаза мужа сестёр, как правило, гоняли по тому, как вроде и недостойны, по их мнению.

А моё мнение они как-то спросить позабыли.

А зачем, им ведь виднее, кто моему сердцу мил. Они же, вообще, мнением женщин не интересуются.

С такой опекой помереть мне в девках.

Стиснув зубы, я снова пристроилась к женщинам. Пора уже свою судьбу в руки брать. И найти того самого. Единственного. Желательно красивого, богатого, и без раздутого самомнения.

А то так и помру завидной невестой. Я аж вздрогнула от такой перспективы.

– По повозкам! – услышав вопль Обертон, я втянула голову в плечи. О том, что он придёт лично проверить телеги, я как-то не подумала.

Если засечёт, ругани будет, даже Селестина не спасёт от его ворчания.

Поспешив вслед за остальными женщинами, я, запрыгнув на повозку, спешно заняла место на лавке посередине и затаилась.

Обертон прошёл совсем рядом, глянул вскользь по нам и, что-то пробурчав вытянувшегося в струнку вознице, ушёл.

Выдохнув, я поняла, что назад дороги нет. Я еду в княжество Охрил, и будь что будет.

Не найду мужа там, значит, летом сбегу за северный перевал. Там правила тоже варды неслабые.

А, может, и у кого из мужчин нашей семьи совесть разыграет и они, наконец, подыщут мне женихов. Слабо в это верилось, но случается же у людей помутнение. Может, и на них снизойдёт.

Высокие статные воины верхом на крепких лошадях окружили обоз, и телеги тихонько тронулись.

Всё! Даже если какие-то сомнения и грызли душу, то уже поздно.

Мы выехали в Шорхат, миновали базарную площадь, небольшие домики с красной черепичной крышей и свернули на главный южный тракт.

Женщины вокруг меня нервно сжимали свои узелки и ёрзали на местах. Чувствовалось какое-то напряжение.

– Вартеса?! – услышав рядом с собой эту фразу, я напряглась и обернулась.

На меня в упор смотрели две женщины. Полненькая чернявая кумушка и рыжеволосая девка отгалкивающего вида. Слишком высокомерно она поглядывала на всех, даже на меня. Лица обеих женщин были мне незнакомы, а вот они меня, похоже, уже видели.

– Тсс, – шепнула я, боясь, что кто из сопровождающих воинов, что скакали совсем рядом с нами, услышат и ссадят с повозки.

– Но как же, опасно, – взволновано зашебетала та, что походила на заботливую квочку. – Гуроны на дороге, как же вас с нами-то отпустили. Ведь до последнего не хотели повозку с прислугой гнать.

Я слотнула. Недоговаривал, похоже, Обертон.

На меня, не отрываясь, кажется, смотрели уже все попутчицы. Я немного растерянно пожалала плечами и не ответила. Не сознаваться же, что сбежала из дому как сопливая девчонка.

Поняв, что объясняться я не стану, все вроде как и отвернулись, только я продолжала ловить на своей персоне украдкой брошенные кривые, какие-то нехорошие взгляды. Особенно тарашилась рыжуха, что у меня вызывало некое неудобство.

Предчувствие снова змеёй скользнуло в моей душе.

Тяжело вздохнув, помолилась богине Матери, чтобы гуроны и прочие беды прошли стороной.

Возможно, мне нужно было остановить обоз и, вняв голосу разума, вернуться домой. Но робкая надежда на замужество оказалась сильнее страха.

Вечерело, а мы всё ехали по широкой дороге вперёд.

Устав рассматривать однообразный зелёный пейзаж, я положила голову на свой узелок и попыталась вздремнуть. Как я могла забыть, что это путешествие такое долгое. Нужно было всё-таки отказать Селестине в походах по ярмарке и уехать с Амэллой. Каил там всё так обустроил, что даже скамеечки для ног имелись в карете.

Вот я дуреха. Будет мне наука!

В вышине завывал нехарактерный для этого времени года ветер. Вообще, погода не радовала.

– Стоять, – гаркнул один из воинов, – привал.

Телеги проползли ещё немного вперёд и медленно остановились.

– Что такое? – засуетились женщины, но сопровождающие ожидаемо не обратили на них внимание.

– Сколько стоять будем? – робко спросила сидящая рядом со мной женщина у воина на огромном сером жеребце.

– А чего? – прищурившись, уточнил он.

– Ноги бы размять, – ещё тише пролепетала она, опустив голову.

– Пройдитесь, – уже мягче ответил он, – но с дороги ни шагу.

Почти все женщины, не теряя времени, слезли с повозки. Я же не сдвинулась с места, не без оснований опасаясь, что кто-то из воинов меня узнает. Плотнее накинув на голову капюшон, просто вытянула ноги перед собой. Конечно, тоже хотелось прогуляться, но рисковать не стоило.

– Гуроны! Все назад! – внезапный вопль одного из сопровождающих поверг меня в шок.

Глава 3

Не веря в происходящее, я наблюдала с нездоровым интересом, как из лесу, развеивая туманную дымку, выскочили длинные похожие на жердины воины с разукрашенными лицами. Женщины, завидя их, заверещали и кинулись врассыпную: кто к телегам, кто в обратную сторону, а были и такие, что в лес метнулись, прямо в Туман.

– Стоять! – горланил командир нашего сопровождения. – Всем стоять!

Но куда там, бабы есть бабы.

С диким визгом они металась по дороге: кто вперёд, кто назад. Я понимала, что именно это нашим врагам и нужно. Против северян они ничто, но отвлечь мужчин и запугать женщин, заставив их совершить глупость, было как раз в духе хитрющих гурон, и чего скрывать, у них выходило.

В телеге осталась сидеть я и ещё две девушки, одна из которых узнала меня ещё в начале пути. Лицо рыжухи исказилось страхом. Она было метнулась к краю, но зацепившись за меня взглядом, остановилась.

Выдохнув, я с замиранием сердца вертела головой. Суматоха такая.

Паника, с которой северяне пытались справиться.

Вот так, молча наблюдая, как гуроны кружат вокруг нас, то показываясь из тумана, то исчезая в нём, опасаясь напасть, я пыталась разгадать их замысел. Чего они добиваются? Ради чего такая суматоха? Наша телега стояла первой, и я всё пыталась рассмотреть, что же там творится позади. И в этот момент я упустила из виду своих попутчиц.

И зря!

Рыжуха резко подалась вперёд и выбралась на место возницы.

Недоумённо проследив за её действиями, я слишком поздно спохватилась.

– Нет! – мой визжащий вопль разрезал пространство. Но ничего я сделать не успела, эта сумасшедшая зачем-то схватила поводья и стегнула кнутом лошадей.

Телега резко тронулась. Удар кнута и нас понесло. Сидевшая у самого края вторая девушка попыталась встать на ноги, но повозку потрянуло, да так, что она выпала.

Спешившиеся воины рванули за нами. Один из них подбежал к телу несчастной и сокрушённо покачал головой. Видимо, она свернула себе шею при падении.

– Помогите! – заорала я, уже не скрывая свою личность.

– Вартеса! Там вартеса, – несколько воинов бежали за нами. Они узнали меня. Но было понятно, что ничего эти мужчины сделать не смогут. Мы набрали скорость и стремительно удалялись. Из-за последних телег выскочили всадники.

Но поздно.

Лошади несли.

Эта дурная, вцепившись в лавку, голосила во всю глотку и стегала зачем-то кнутом.

– Заткнись! – рявкнула я. – Живы останемся, я тебе сама шею сверну, тварь бестолковая!

Я себя не сдерживала.

Ведь нам ничего не грозило, пока рядом находились воины клана, а теперь...

А теперь дела совсем дрянь.

И ведь чувствовала, что глупость совершаю.

Нужно было слушать Обертону, никуда бы не делись женихи.

Рвано выдохнув, я вцепилась в деревянное сидение, да так крепко, что ногти врезались в древесину.

Телегу трясло так сильно, что не двинешься. Оставалось только молиться. Знать бы ещё каким богам.

Всё грохотало, меня болтало так, что, казалось, голова вот-вот оторвётся. Всадники... я не могла их различить. Но они должны были догонять нас. Просто обязаны.

Мне было так страшно.

Треск. Что-то надломилось под нами, и, ещё раз подскочив на кочке, повозка кувырком вылетела с дороги.

Всё произошло так быстро, что я и закричать не успела.

Только вот несло нас, и уже лежим на земле.

Глухо застонав, я попыталась подняться. Меня здорово приложило об землю, но, во всяком случае, я была жива.

Где-то впереди слышались вопли гурон.

– Помогите! – заверещала рядом со мной женщина.

– Заткнись! – рявкнула я. – Кого ты зовёшь, пришибленная.

Меня зло разбирало. Эта сумасшедшая нас точно на тот свет отправит.

Вопли разукрашенных звучали отчётливее, и это был не тот отряд, что напал на нас. Эти бежали совсем с другой стороны. И они точно различили вопли о помощи.

– Всё! Услышали они тебя, – зашипела я змеёй, – сейчас придут. Помогут!

– Ты вартеса, тебя-то спасти мчатся, – выпалила девка. – А нам простым надеяться не на что.

– Думаешь, гуроны будут сейчас разбираться, кто у нас какой крови?! – я поднялась на четвереньки, раскачиваясь из стороны в сторону. – В плену я уже разок была, живой оттуда не выбралась. Больше как-то не хочу.

Тряхнув головой, попыталась сообразить, в какую сторону мне бежать. Кругом лес сплошной стеной и туман. Заплутать легко. Но дорога, она ведь совсем рядом. Пара шагов, но туман такой густой, как марево.

Куда идти, чтобы не ошибиться.

Поднявшись, я, шатаясь, прошлась вперёд, но не успела. За спиной завизжала рыжуха. В этот момент кто-то схватил меня за волосы и дёрнул назад.

– Не трогайте меня, – верещала девка, – она вартеса, её берите. Я простая. Не трогайте меня. Берите её. Её, а не меня!

– Дура, – выдохнула я, и уставилась на морду гурона, что, держа меня за волосы, поставил перед собой на колени.

– Вартеса? – с сильным южным акцентом прошипел он.

– Лестра Бессон, – чётко произнесла я.

– Бессон, – сплюнул он. – Ваши мужчины отняли у нас дом, за это ты будешь умирать медленно. Мы свершим мсть!

Как ни странно, это меня не напугало, а успокоило. Медленно – это хорошо: я маг жизни, для меня это просто лучший вариант.

– Отпустите, – верещала моя ненавистная попутчица.

Но кто её бы слушал. Максимально быстро повязав на шеях петли, гуроны как скот потащили нас вперёд.

В такой ситуации я уже побывала однажды. Воспоминания нахлынули волной, и я пыталась не захлебнуться страхом и предчувствием мучительной смерти.

Пока я жива, есть шанс.

Меня будут искать. Вардиган Итан с братьями лес перевернут. Просеют туман через сито. Мне нужно только дышать и ждать. А лучше попытаться сбежать.

Но обо всём этом я подумаю позже, а сейчас нужно просто идти вперёд и не нарываться на гнев разукрашенных.

Бросая злобные взгляды на свою попутчицу, я упрямо шагала вперёд, стараясь не отставать.

Там, за спиной, я слышала ржание лошадей. Наши воины чуть не успели. Закричать бы, но мой рот мгновенно закрыли ладонью и надавили так, что стало больно.

Хитрые твари.

Мы удалялись в лес по узкой еле различимой тропинке.

Здорово хромя на правую ногу, я упёрто шагала вперёд. Ушиб хоть и был незначительный, но всё же болью отзывался. Рыжуха же изображала жертву. Она телепалась со стонами и подвываниями, оттягивала верёвку и бесконечно спотыкалась. Мне бы, наверное, и дела до неё не было, но концы удавок, накинутых нам на шею, были в одних руках. И когда она отставала, гурон дёргал их разом так, что доставалось и мне.

Споткнувшись в очередной раз на ровном месте, эта недалёкая застонала в голос.

– Ну, давай, покажи им, как вкусны твои страдания, – выплюнула я слова. – Они тебя пытать сутками будут наслаждаясь. Ты что, дура, не соображаешь, в чьи руки нас загнала. Ради какого умертвия, ты, вообще, к поводьям полезла, убогая. Тебя что псы бешеные за голову покусали?

– Воины бы не стали меня спасать. Им только ты была важна, – с ненавистью в голосе выдала она какую-то несуразную чушь. – Думала, уведу телегу, и они кинутся за нами и будут защищать только нас.

– Ну, ты и тварь. Ума, как у курицы. Да нам, вообще, ничего не грозило, – прошипела я. – Надеюсь, тебя замучают первой, такие, как ты, дышать не должны.

– Не шипи на меня, тут ты не вартеса, – взвилась она и снова деланно повалилась на колени.

– Что у тебя с головой? Всю отшибла, что ли?! – мне слов не хватало, как её обзывать.

– Встать, – заверещал гурон.

Понимая, что сейчас он дёрнет верёвку, я сделала пару шагов вперёд и вовремя. Вторая удавка натянулась, и рыжуха захрипела. На помощь я ей не спешила, пусть сама выкручивается. Растянув кое-как петлю на шее, она поднялась и зло уставилась на меня.

– Я Лестра дочь дровосека Эсама из небольшой деревеньки у самой Туманной стены на юге, – чётко произнесла я. – Умерь свою ненависть, дурная, и начинай уже соображать. Мы в плену и живыми оттуда, как правило, не выбирают.

Вместо того чтобы собраться и взять себя в руки, эта чумная зарыдала в голос.

«Не жилец» – смерилась я, наконец, с абсолютной бестолковостью этой особы, и отошла от неё подальше насколько позволяла верёвка.

Глава 4

Я отошла в сторону вовремя: гурон дёрнул верёвку, да так резко, что рыжуха повалилась наземь. Рыдания усилились.

К нам подлетел молодой воин с перемазанной чем-то зеленым мордой и, не сдерживая себя, пнул эту бедолагу в живот. Девушка взвыла, но теперь уже без притворства.

Кажется, до неё, наконец-то, дошло, к кому в руки мы попались.

Гурон, облизнувшись, повторил удар.

Рыжая заверещала звонче и попыталась прикрыть себя руками.

Как же всё это было мне знакомо.

Три года назад я уже была в такой ситуации и вела себя примерно так же, как эта рыженькая. Наивно полагая, что мужчины не могут измываться над слабой женщиной, я, не прекращая, скулила и просила пощады. И чем большую ранимость демонстрировала врагу, тем больше ударов сыпалось на мою голову. Постепенно до меня стало доходить, что выказывать слабость перед гуронами – это самая главная ошибка. Смертельная и непоправимая.

И сейчас я видела в этой рыженькой себя.

Отвернувшись, загнала свои эмоции подальше. Досчитав до пяти, шумно выдохнула и попыталась отстраниться от происходящего. Я ничем не могу ей помочь.

Она сама обрекает себя на гибель.

Это её жизнь, её действия и решения.

Я предупредила, она не послушала.

Но я способна позаботиться о себе. Спасти свою жизнь, или хотя бы максимально её продлить.

Знать бы, куда они нас ведут: в лагерь в лесу или в пещеры. Если первое, то смерть себя не заставит долго ждать, если подземелья – то ещё подышим и поборемся.

Я снова бросила взгляд на жертву и её мучителя.

Намотав волосы рыжухи на кулак, гурон пошёл вперёд. Она же, скуля как щенок, потащила следом на четвереньках.

Верёвка натянулась, и я двинулась по инерции за ними.

Густая белесая дымка становилась гуще и тяжелее.

Интуитивно поняла, что мы углубились в лес на территорию Туманной стены.

Мне, как магу жизни, пока ничего не грозило, но сам факт, что мы зашли на мёртвые земли, пугал. Спрашивать что-либо смысла не имело. Гуроны считали ниже своего достоинства разговаривать с другими расами и особенно со слабыми женщинами. Эти твари в человеческом облики видели в нас только еду. Они, не скрываясь, поглощали людские эмоции, смакуя их и ненасытно требуя добавки.

Они не владели магией, не чувствовали её, им нужна была иная подпитка.

Эмоции. Страх, боль, смертельная агония жертвы, её безумие.

Это приводило их в восторг. Без этой подпитки гуроны угасали. Я много слышала об их подземельях. Жена нашего вардигана Ниори прожила там много лет, и именно это вселяло в меня надежду. Выжила она, значит, смогу и я.

Один раз я позволила себя убить, больше такую ошибку я не совершу.

Добравшись до небольшой поляны, мы остановились.

Мой пленитель завязал второй конец верёвки на тонком стволе дерева. В ноги мне кинули скулящую рыжуху. Вместо того чтобы успокоиться и взять себя в руки, она принялась выть с новой силой.

– Ты действительно не понимаешь, что твои вопли доставляют им удовольствие?! – зло прорычала я. – Приди в себя и перестань демонстрировать свою слабость.

– Они мужчины, – заикаясь от слёз, выпалила она, – значит, должны испытывать жалость к немощной женщине.

– Они гуроны, дурная, – я тяжело выдохнула, поражаясь её тупости. – Половина из них здесь женщины, и плевали они на твою немощность. Они ей питаются.

На другой стороне поляны кто-то истошно завизжал. Туман развеялся и выпустил небольшой отряд с пленницами. Среди них не было ни одной женщины из нашей телеги.

– Поздравляю, дура, – зло прошипела я, – кажется, мы одни попались. Остальных наших попутчиц воины успешно отбили.

– Ты вартеса, значит, за нами пойдут и спасут, – выдала она, шмыгая потёкшим носом.

– А после, я тебя своими руками придушу, – на полном серьёзе пообещала рыжей. – Или расскажу, что ты сотворила гер Каилу, а он промоет тебе мозги и вставит их на место. Если там, вообще, есть что промывать, в чём я сомневаюсь.

Девушка замолкла и тяжело улеглась на землю. Я же рассматривала новых пленниц. Явно деревенские: платья и плащи целые, видно, что выходная одежда. Наверное, откуда-то из дальних селений на ярмарку ехали. Жалко людей. Стайку женщин подогнали к нам и повалили их наземь.

– С какого вардана? – зачем-то спросила я.

– С Рамира, ехали наниматься на юг, – тихо ответила полная женщина, к ней испугано жалась девушка, примерно ровесница моей младшей сестры Эмбер.

– А вы? – тихо спросила она.

– А я...

– Вартеса Бессон, собственно персоной, – прошипела рыжуха.

Женщины её выпад не оценили, это я поняла по тому, как они глянули в её сторону.

– Да, я с вардана Бессон, – подтвердила я слова этой змеюки, – на нас напали на тракте. Гуроны явно в бой вступать не собирались, надеялись на панику среди женщин. Им повезло, дура одна таки нашлась, – я кивнула на свою попутчицу, валяющуюся на земле.

– Что с нами будет? – тихо спросила молоденькая девушка.

– Ничего хорошего, – четко призналась я. – Скорее всего, ведут, чтобы питаться нами. Если попадём в подземелье, постарайтесь не выказывать слабость. Они чувствуют страх, таких и мучают в первую очередь.

– Откуда вы всё это знаете, – полнощёкая крестьянка села ровнее и, отодрав от себя молодушку, слегка её встряхнула. Похоже, до них мои слова быстро дошли. Да и остальные малочисленные женщины, что сидели молча, тоже подсобрались.

– Я уже была в плену, там страшно, но выжить можно, – призналась я. – Меня будут искать, главное, продержитесь.

Женщины кивнули.

Конечно, я могла бы им рассказать и о том, как пытаются, так издеваются и не дают испустить дух. Как убивают массово ради потехи. Но зачем? Всё это они узнают и сами. А пока пусть ещё немного поживут, не представляя, какой ужас их ждёт впереди.

– Встать! – крикнули нам.

Сидящие послушно поднялись и сбились кучкой. Тяжело вздохнув, я поправила верёвку на шее. Уже и замуж не желалось и женихи богатые стали неинтересны.

Теперь мне хотелось просто жить.

Нас снова погнали как скот вперёд.

Я внимательно следила за тем, куда наступаю, боясь упасть. Всё чаще на нашем пути стали попадаться мёртвые деревья анчар. Мы находились в самом сердце туманной стены. Я чувствовала, как магия смерти клубится вокруг. Ищет возможность пробраться и ужалить. Оставить свою печать, заразить и подчинить жертву. Но мне она была не страшна.

Мне, но не другим.

Вскрикнув, наземь в очередной раз повалилась рыжуха. Только вот неудачно она разлеглась в этот раз. На её щеке появилась глубокая царапина, из которой хлынула кровь. Раны на лице всегда сильно кровоточили. Туман поднялся с земли и щупальцами потянулся к ней.

– Сияющая, – тихо выдохнула я.

Теперь понятно, чего она так на меня взъелась. Видимо, сама мечтала варда зацепить, да не вышло. И в телегу, что должна была увезти нас на юг, села явно с теми же намереньями, что и я.

Хотела богатого, властью наделённого мужчину встретить.

Завизжав, рыжеволосая девушка, имени которой я так и не узнала, попыталась отползти от тумана, но тот, клубясь, становился гуще. Кто-то из женщин захныкал, кто-то отвернулся. Я же не могла отвести взгляд, зная, что сейчас произойдёт.

Гуруны, окружив жертву, внимательно наблюдали за тем, как туман тонкими змеями впивается в рану женщины. Рыжуха скулила и махала руками, пытаясь разогнать смертоносную дымку, но она накатывала на неё волнами, скрывая словно покрывалом. Девушка билась в истерике, прося о помощи.

Гуруны ликовали, упиваясь её смертельным ужасом.

На мгновение молочная пелена расступилась, и с искажённым лицом вверх вспорхнула грязно серая почти чёрная тень.

А тело... Нет, оно не погибло.

Туман снова расступился, и перед нами, раскинувшись на земле, лежало умертвие.

Пока ещё неголодное и неопасное, но совсем скоро мёртвая женщина превратится в монстра.

– Хороша получилась, – хмыкнул ближайший к нам долговязый разукрашенный воин, – вождю понравится. Она хорошо убивать будет.

Рыжуху подняли с земли и, завязав ей руки, обмотали нижнюю часть лица тряпкой, видимо, чтобы раньше времени никого не искусала.

Для неё всё было уже кончено. Я заметила, как неподалёку над землёй металась грязно серая тень.

На одну душу в тумане стало больше.

Глава 5

Наверное, то, что произошло с рыжеволосой девушкой, окончательно привело всех нас в чувство. Рыдания стихли. Подобравшись, мы сбились в стайку и, ища друг у друга безмолвную поддержку, брели, куда гнали. При этом чётко следили за тем, куда наступаем, и поглядывали на умертвие.

Многим вид ходячего мертвеца был в новизну.

Рыжая то и дело кидалась на нас и пыталась разодрать когтями. Пустить кровь. Как была при жизни мерзавкой, так и после смерти ею осталась. Рана на её щеке не затягивалась, рваные края плоти чернели и привлекали внимание малочисленных насекомых. Выглядело это ужасно отталкивающе. Словно понимая, как её бояться, она делала всё, чтобы усилить этот ужас в наших душах. Казалось, рыжая получает от этого неведомое нам удовольствие.

Женщины шугались её, отпрыгивали в сторону, лишь бы умертвие до них не дотянулось. Столько страха таилось в их глазах.

Я понимала этот ужас.

Да, я помнила тот день, когда впервые увидела ходящего.

Мы с сёстрами жили на грани нищеты во всеми забытом поселении у самого тумана. Несмотря на такое соседство, я и представить не могла, как выглядит неупокоенный. В лес всегда ходила Томмали. Моя храбрая самоотверженная старшая сестра. Я никогда даже не приближалась к нему. Если кто из обитателей тумана забредал к нам, то я скрывалась в надёжном доме и не волновалась ни о чём.

Томмали защитит.

Томмали накормит, она же и вылечит, и за дровами сходит.

Всё, что делала я, – это создавала иллюзию порядка. Да и то спустя рукава. Мне стыдно вспоминать об этом, ведь я не ценила, считала, что всё эти рассказы о тенях, о мёртвых, слишком преувеличены нашими отцами. Что все эти сказочки рассказываются, чтобы отбить желание лишний раз соваться в туман.

Чтобы не уходили на юг, потому как там страшнее.

«Бабкины сказки» – так я думала тогда.

Да, я действительно в это верила.

Даже смерть матери не вправила мне мозги на место. Ничего меня пробить не могло, я сама придумала красивый мир, и сама же в него поверила.

Я деспотично требовала у сестёр исполнение моих желаний, моих нескончаемых хотелок.

Так продолжалось, пока я на эмоциях не разругалась с семьёй и не предала их. Собрав вещи, отправилась на юг к лучшей, как думала, жизни.

Но моя наивность быстро растаяла как дымка.

Стоило лишь выйти на тракт и примкнуть к небольшой группе таких же, как я, искателей лучшей доли.

То, что они рассказывали, леденило душу. В первый же вечер на нас выскочили неупокоенные. Жуткие покойники со следами разложения кидались на людей как бешеные псы. Мужики валили их на пыльную дорогу и дубинками перебивали шеи, отделяя головы от тела.

Я впала в ступор. Выпучив глаза, смотрела на то, с чем моя сестра сталкивалась ежедневно.

Опорожнив желудок прямо на той дороге, быстро пересмотрела все свои приоритеты.

Да, вот тогда-то я и поняла, что для меня делала Томмали. Как рисковала, и сколько в ней было сестринской любви. Отчего берегла меня непутёвую и младшую Эмбер. Как же погано я тогда себя ощущала. Надавлив пяткой на собственную разросшуюся непомерную гордость, рванула обратно в деревню, под её крыло.

Только пятки сияли.

Теперь я стремилась туда, где безопасно, где есть тарелка супа и надёжное плечо, на которое можно опереться.

Я бежала домой.

Да, не судьба. У самой деревни меня перехватили гуроны. Вот такие же долговязые воины с разукрашенными лицами. Вместе с остальными несчастными, что попались им в руки на тракте, нас погнали в туман.

Вокруг кружили тени, рыдали люди, а я познавала реальный мир, от которого меня так тщательно охраняли. Именно там, в тумане, рядом с покосившимся сараем и оборвалась моя жизнь. Тенью я металась по лесу и искала родных сестёр. Я была так зла. Одинока. Мне хотелось жить, но постепенно я свыклась со своей участью и стремилась только защитить, отплатить за ту заботу, в которой я купалась с самого рождения.

Но мне был дан ещё один шанс.

Шанс жить.

И вот так глупо сейчас попасться.

Я зло глянула на гурон. Как же я ненавидела это мерзкое племя. Но я понимала, что виновата сама. Слишком быстро всё стёрлось из памяти. Я позабыла, что за стенами дома всё так же идёт тихая война. Что помимо умертвий и гурон, есть разбойничьи логова, есть южные кланы, которые стремительно теряют власть, с тех земель бегут отчаянные дезертиры, покидающие свои варданы и пытающиеся пристроиться к более сильным вардам.

Все они, что бешеное племя, а я вартеса – слабое звено своей семьи.

Попади я в руки к врагу, и братьям Бессон придётся несладко, потому, как их будут шантажировать моей жизнью.

Как же я так сглупила-то.

Тяжело вздохнув, продолжала идти вперёд навстречу смерти. От гурон очень редко уходят живыми. Бросив украдкой взгляд на умертвие с повязкой на пасти, натолкнулась на пылающие злобой мутные очи. Похоже, и после смерти любовью ко мне она не воспылала. Сглотив, уставилась себе под ноги. Составить ей компанию мне не хотелось.

Солнце неуклонно сползало к горизонту.

На небе, затянутом сизой дымкой, разгоралось предзакатное пламя.

Наверное, меня уже ищут. Представляю, как злится Обертон и пытается объясниться перед братьями. У Томмали истерика, Вульфрик старается её успокоить. Эм, как всегда, верит в лучшее. Моя младшая сестрёнка никогда не унывает. А Сай бесится, наверное, и грозит Обертону всеми карами на голову. Итан спокоен, но гонца Каилу всё же отослал. Я испортила Мояле праздник, ведь как только она узнает о моём исчезновении, будет уже не до веселья.

Мои мысли снова вернулись к Обертону. Подставила я его, конечно. Если выживу, то такого от него выслушаю. Но я это определённо заслужила.

– Стоять! – раздалось сбоку.

Кто-то с силой дёрнул верёвку, которая мгновенно затянулась на моей шее удавкой. Не поддаваясь панике, я схватилась за неё руками и, потянув, ослабила. Только после этого смогла сделать глубокий вдох. Главное, сейчас не показывать гуронам свою слабость. Не дать им попробовать вкус своего страха.

Они выберут жертву среди нас. Я это знала, наверняка, но я не желала ею становиться.

Бегло оглядевшись, поняла, что мы в самом сердце тумана. Никаких деревьев, кроме вечнозелёного анчара, тут не наблюдалось. В сумраке из земли выглядывали толстые изогнутые корни, сквозь тонкие ветви проглядывался свет заходящего солнца.

А по земле стелился тяжёлый молочный туман. Он, как живой, клубился и расплзался щупальцами вокруг гладких стволов деревьев.

Грубо ударив сзади по плечу, меня заставили сесть на землю. Я безмолвно подчинилась и, сдерживая эмоции, старательно убеждала себя, что всё будет хорошо. Вокруг меня, давясь рыданиями, сидели деревенские женщины разных возрастов. Я видела, кто из них слабее, а кто ещё поживёт. Желание помочь им, заставить быть сильнее и не фонтанировать страхом, я давила на корню. Кто-то из нас умрёт сегодня, или завтра. И здесь я бессильна. Даже если они будут сидеть с каменными лицами, прятать свой животный ужас, гуроны всё равно оттащат кого-то в сторону и начнут пытаться выбранную жертву.

Этим тварям нужно эмоционально питаться и этого не изменить.

Вот поэтому я старательно отводила взгляд и молчала. Разведя небольшой костёр, захватчики расселись по кругу и о чём-то переговаривались на незнакомом языке.

Глава 6

Время тянулось нескончаемо долго. Сон не шёл, хотя уже давно стемнело. Пламя костра освещало пространство. Тусклый свет выхватывал бледные напуганные лица женщин. Они словно интуитивно осознавали, что грядёт нечто страшное.

Но гуроны не спешили обращать на нас внимание. Никто и не подумал накормить или напоить пленниц. Живот сводило от голода, в то время как наши хватчики отдыхали у огня, пожевывая полоски мяса. Сглатывая слюну, я посылала на их головы проклятья.

Твари.

Мой взгляд метнулся к рыжеволосому умертвию. Привязанное к дереву, оно металось по кругу, словно бешеное животное, и связанными руками пыталось сдёрнуть повязку со рта.

Поёжившись от лютой неприязни, быстро отвернулась от него. Но на душе стало хоть немного легче.

Я, наконец-то, догадалась о причине, по которой мы сейчас неинтересны нашим пленителям. Просто они насытились предсмертной агонией девушки. Видимо, её эмоций хватило с избытком на всех.

Слишком уж не хотела рыжая умирать.

Несмотря на то, что я попала в такую передрагу по её вине, я испытывала жалость. И ничего с этим поделать не могла. К горлу подкатывал ком и на глаза сами собой наворачивались слёзы. Непроходимая глупость – не причина желать смерти.

Передёрнув плечами, я подняла с земли небольшую опавшую ветку анчара с пожелтевшими на ней листочками, и это несмотря на разгар лета.

Дерево мёртвых. Именно анчар, согласно легенде, растёт в садах бога смерти Танука.

Мой папа был его жрецом, и всё детские игрушки мне и сёстрам вырезал вот из таких вот толстых веток. Где он брал древесину и почему использовал именно её? Кто же знает. Поломав пополам сухую тонкую ветвь, я поднесла её к носу и счастливо сощурилась. Запах папиной мастерской. Дома. Уюта и безопасности.

Волшебный запах. В нём намешано столько воспоминаний.

Я снова надломилась веточку и глубоко вздохнула. Улыбка тронула мои губы. Сначала ты слышишь только древесину, чуть подгнившую, а потом аромат меняется, и память выдаёт уже сушеные грибы, которые мама развешивала в погребе в сетках.

Откинув длинную часть ветки, я оставила себе небольшой толстый кусочек и спешно спрятала его за пазуху. Если выживу, то непременно сама своими руками выстругаю из неё крохотную игрушку, чтобы было мне напоминание о собственной глупости. Поставлю её на видное место, чтобы больше не забываться. А если умру, так оставлю при себе частичку, напоминающую о том, что было в моей жизни и счастье, и любовь близких.

Сумерки сгустились, становилось холоднее.

Завернувшись в плащ, я тщетно пыталась согреться. Остальные женщины жались друг к другу. Но я не могла: трусливо боялась сблизиться с кем-то из них, а потом смотреть на её смерть. Пусть уж считают высокомерной вартесой.

Так будет лучше.

Всю ночь я дремала, прижавшись спиной к ближайшему вылезшему из-под земли корню. Вздрагивала от каждого шума, и насторожённо всматривалась в мелькающие в белесом мареве грязно серые тени.

Кусая губы, надеялась на братьев Бессон. Главное, продержаться, а они точно за мной придут. Они не бросят, я это знала.

Снова задремав уже перед рассветом, сквозь пелену густого тумана в голове услышала гортанные крики гурон. Распахнув глаза, уставилась на переполошённых женщин. Они всмат-

ривались куда-то вглубь леса. Повернув голову и присмотревшись, увидела впереди бегущую пленницу.

Женщина, немного старше меня. Её светлые волосы сливались с туманом.

– Дурная, – тихо выдохнула, но меня услышали. Я поймала на себе злые взгляды остальных женщин. – Куда бежать в тумане? – пояснила я. – Это верная смерть.

Гуруны заülüлюкали вслед беглянке, а потом один из них подошёл к умертвию и сдёрнул со рта повязку. Отвязал. Подтащив за шиворот рыжую к звериной тропе, указал на удаляющуюся женскую фигурку.

– Хар, – услышав команду, мёртвая сорвалась с места, и с несвойственной живому человеку прытью, понеслась за своей добычей.

Много ходило слухов, что каким-то образом гуруны научились управлять неуспокоенными. Кто-то в это верил, кто-то считал рассказными. А вот сейчас я воочию убедилась в том, что для этого мерзкого племени живые мертвецы, что псы.

Не прошло и минуты, как лес огласил женский вопль.

– Хара, хара, – кричали гуруны.

Рыжая, словно дрессированная тварь, возвращалась к своим хозяевам, волоча за волосы ещё живую женщину. Она истерично визжала и пыталась вырваться. Подтащив её к гуруну, рыжуха опустила на четвереньки и злобно зашипела. От страха у меня во рту пересохло.

Такого я себе и представить не могла.

Зажмурившись, невольно подобрала под себя ноги. Остальные пленницы и вовсе посетели от ужаса. Они, кажется, даже не дышали, чтобы лишний раз не напоминать о своём существовании.

Склонившись, гурун выдернул жертву из рук умертвия и глумливо засмеялся.

Прижав лицо к согнутым коленям, я заткнула уши, догадываясь, что будет дальше. Когда-то я пережила всё это. От жалости у меня разрывалось сердце и хотелось плакать.

Всхлипывая, женщина молила о пощаде и звала на помощь. Она истошно кричала и просила не причинять ей боли. Не убивать. Мы слышали каждое её слово... Но что мы могли.

Связанные, как скот. Слабые женщины против двух десятков жестоких воинов. Тварей, питающихся смертельным ужасом и одурманивающей болью.

Ни у кого из нас не было и шанса против них.

Давясь слезами, я повторяла, что не слышу её стонов боли, и громких гортанных непонятных рыков жестоко терзающих её тело мужчин. Они смеялись, наслаждаясь агонией жертвы, медленно вынимая из неё жизнь.

Я не смотрела, не хотела даже знать, что они делают с ней.

В какой-то момент я просто тихонько запела знакомую с детства песенку. Наверное, мой рассудок просто не выдержал: и чем сильнее кричала от боли женщина, тем громче проговаривала я слова песни. Мой слух уловил и другие голоса. Пленницы подхватили эту незатейливую мелодию, и вторили мне.

Женщина смолкла.

Набравшись смелости, я посмотрела на неё. Она была ещё жива. Её взгляд, устремлённый в небо, был пуст, а посиневшие обескровленные губы тихонько шевелились. Она шептала за нами слова.

Это была её последняя песня.

Зарыдав, я проклинала этих тварей.

Рассвело, когда несчастная, наконец, смолкла.

Оторвавшись от мёртвого тела, гуруны бросили его умертвию, крутившемуся рядышком. Поймав добычу, рыжуха впила в неё тупыми зубами. Рядом клубился живой туман, пытаясь отбить тело. Одно его щупальце скользнуло по бедру мёртвой женщины и исчезло где-то под подолом платья. Секунда и над телом появилась новая тень, белоснежная, чистая.

Ещё одна пленница мёртвого леса.

Тело, что пыталась разорвать рыжуха, ожило, и завязалась жуткая драка.

Умертвия драли друг друга, пытаясь добраться до горла.

Замерев, мы заверещали.

Гуруны же, насладившись зрелищем, оттащили светловолосую женщину в сторону и одним резким движением отделили её голову от тела.

Рыжуха же осталась сидеть у дерева, с её разодранного лица медленно стекала густая вязкая почти черная кровь.

На поляне царило безмолвие.

Мы старались не смотреть друг на друга. Боялись увидеть отражение собственного ужаса в чужих глазах. Гуруны, как ни в чём не бывало, сидели у костра и что-то обсуждали. Будто и не было этой жуткой смерти. Словно привиделась нам всё.

Только тело, что лежало неподалёку, возвращало нас снова и снова в жестокую реальность Тумана.

Глава 7

Как только солнце поднялось над вершинами деревьев, нас погнали дальше. Сбивая ноги, мы старались не отставать друг от друга.

Землю застилал лёгкий туман. Через густые кроны деревьев, нависающих над узкой тропой, пробивались тонкие лучи света. Они странно искажались через разряженную молочную дымку, преломляясь, пронизывая пространство. Всё это выглядело враждебно и настораживающее.

Время, оно словно лютый враг тянулось до невозможного медленно.

Уставшие и голодные, мы еле передвигали ноги, мечтая о привале. Но в отличие от остальных, я прекрасно понимала, что дальше будет только хуже.

И я не ошиблась.

Мы брели весь день.

Мои ноги гудели от усталости и боли, стопы распухли и появились мозоли. Каждый шаг доставлял новую порцию боли. Но останавливаться было нельзя, стонать и жаловаться – нельзя.

Отказаться идти дальше – это как подписать себе приговор на смерть.

Уже под вечер, споткнувшись, упала очередная жертва гурон.

Черноволосой женщине подняться не дали. Ей нанесли удар, за ним второй. Слыша её болезненные хрипы, я отвернулась и предпочла крепко заткнуть уши пальцами. Понимая, что агония жертвы будет длиться долго, и вовсе зашла за дерево. Остальные пленницы вопили от ужаса, молили о пощаде и о еде.

Глупые.

Я старательно не смотрела на них. Не хотела выделять кого-то одного, запоминать черты лиц и выражение глаз. Предпочитала, чтобы все они оставались для меня безликими. Так проще пережить их смерть.

Всю ночь гуроны пировали, поглощая наш ужас.

Избитая женщина уже давно не подавала признаков жизни. Но смотреть на неё я не собиралась. Это слишком тяжело, особенно для мага жизни.

Сидя под деревом, я слушала урчание своего живота. Хотелось есть и пить.

Но наши мучители не собирались облегчать нам существование.

Напротив, они осложняли его. Сняв ботинки, я откинула их в сторону. Мои стопы кровоточили, мозоли лопнули, ногти на больших пальцах почернели. Сглотнув, я ухватилась за подол своего платья. Разорвать ткань получилось с трудом, пришлось помогать зубами. Добротная ткань не хотела поддаваться.

Только после изрядных мучений мне удалось оторвать несколько широких полос ткани, при этом подол платья с трудом прикрывал колени, открывая вид на нижнюю рубашку. Но кого это сейчас волновало. Не до приличий. Осторожно я обернула материей ноги. Так будет проще идти. Во всяком случае, я на это надеялась.

Ночь прошла незаметно, казалось, я просто упала в беспамятстве. Только резкий пинок в бедро вынудил меня прийти в себя. Было уже утро, и гуроны собирались в путь, засыпая пламя костра.

И снова узкая тропа. Я ощущала каждую ветку, шишку, камень под ногами. Меня раскачивало в стороны. Так хотелось пить, чувство голода притупилось.

Женщины падали и под ударами пинков поднимались, чтобы сделать ещё несколько шагов. Ухватившись за дерево, я ощутила, как и из-под моих ног ускользает земля. На мгновение свет в глазах померк, а в ушах странно зазвенело.

– Встать, – я ощутила болезненные тычки в спину. Кряхтя, всё же поднялась на четвереньки. Сил уже ни на что не было.

– Встать! – снова раздалось надо мной. Стиснув зубы, я всё же смогла подняться на ноги.

Только к вечеру, когда от бессилия мы просто падали, нас вывели к реке и бросили под ноги, как собакам, по куску чёрствого хлеба. Но роптать никто не стал, всё вгрызались в эти куски с жадностью, смотря на еду другого. Несколько женщин от бессилия просто не могли есть. Их куски схватили другие. Про совесть и взаимную поддержку всё забыли окончательно.

Гуруны ходили вокруг нас, выбирая очередную несчастную для их развлечений. Понимая это, одна из женщин незаметно поднялась на четвереньки и поползла в сторону реки. Наблюдая за ней, я не понимала, зачем она туда отправилась. Женщина выглядела безумной. Она спешно заползала в воду, пока та не скрыла её с головой. Может, пыталась так спрятаться или сбежать.

Но между тем, незаметно для гурун, нас стало на одну меньше.

Наверное, кроме меня, никто и не заметил, как совсем молодая девушка утонула. Она не кричала и не брыкалась. Просто заползла в воду и, видимо, легла на дно. А подняться и всплыть уже не смогла. Страшная смерть. Но лучше так, чем под пытками гурун.

Закрыв глаза, я тихо заплакала.

Через пару дней нас, наконец-то, пригнали к пещерам.

Столпившись стайкой на небольшой поляне, молча, наблюдали, как вокруг нас свободно ходят мертвые. Это было дико и жутко.

Мёртвые люди со следами разложения в рваной грязной одежде таскали воду в вёдрах, дрова, и даже туши животных.

Тошнота мгновенно подкатила к горлу, как только я представила, из чего здесь готовят, и что это есть придётся и мне. Тяжело задышав, я попыталась взять себя в руки. Гуруны, постоянно что-то выкрикивая на своём языке, прохаживались мимо нас. Они явно что-то решали, и мне это не нравилось. Подойдя к полноватой женщине в синем добротном платье, один из разукрашеннолицых вынул нож. У меня сердце ёкнуло, когда он поднёс его к её груди. Всё замерли, и, трясаясь от страха, наблюдали, как он разрезал платье от ворота до талии и сдёрнул эти тряпки, оставляя женщину в короткой нижней рубашке.

Бледная с потрескавшимися губами она прикрыла глаза и, казалось, вот-вот просто потеряет сознание. Противно хохотнув, гурун разрезал короткие лямки на её плечах. Мы отвернули головы, не желая видеть беднягу обнажённой. Выставленной напоказ.

– Я её беру, – гнусаво выкрикнул один из наблюдающих.

Постепенно мне все стало ясно: они пригнали нас в качестве любовниц. Это было самое мерзкое из того, что я могла себе представить. Нет. Лучше смерть, чем лечь под одного из этих тварей. Зря я не вошла в воду, как та девушка. Такой шанс был. Ну, ничего. И тут нарваться на смерть можно.

Когда подошла моя очередь быть представленной этой толпе мразей, я уже решила всё за себя и мысленно попрощалась с жизнью.

Как только, ко мне приблизился гурун, я смачно плюнула ему в рожу и, оскалившись, улыбнулась. Такого он не ожил. Замахнувшись, попробовал ударить, но я увернулась и впила зубами в его руку, да так челюсти сжала, что ощутила на языке металлический привкус крови.

Гурун заорал и попытался меня отпихнуть, но не тут-то было. Разжав челюсти, я впила ногтями в его лицо. Я знала, что делаю. Гуруны ненавидят неповиновение. Не допускают того, чтобы слабая баба дала им отпор. Он должен был меня убить. Быстро и без мучений. Но всё пошло не так.

Всё-таки откинув меня в сторону, размалёванный воин выставил нож. Мне бы кинуться на него, да не успела. За его спиной что-то громко произнёс невесть откуда взявшийся мужчина со странным головным убором. Нож мгновенно исчез, а воин, свалившись на колени, отполз задом к остальным, скрывшись за их спинами.

Насторожённо я наблюдала за вождём. Он же оценивающе прошёлся по мне взглядом, что-то негромко каркнул и удалился.

Я, не понимая, что меня ждёт дальше, затравлено озиралась. Ко мне двинулся ещё один гурон. Я внимательно следила за его приближением, когда чья-то сильная рука сжала моё горло сзади.

– Не двигайся, женщина, – раздалось над моим ухом. – Ты будешь веселить нас.

Не выпуская моего горла, говоривший потащил меня в сторону тёмных входов в пещеры.

Что значит развлекать?!

Куда меня?!

Моя душа трепетала от ужаса. Я не понимала, на что нарвалась.

Тёмное подземелье встретило неласково. За первым же поворотом каменного коридора обнаружилась гора несвежих тел. От мерзкого запаха меня замутило и, не сдержавшись, я опорожнила свой желудок.

Мой конвоир заржал, доводя меня до иступления. Я готова была убивать и рвать на части этих тварей.

Глава 8

Коридоры сменяли друг друга. По ощущениям мы спускались куда-то глубоко под землю. Но завернув за очередной угол, я обратила внимание на щель в стене. Из неё открывался вид на горы. А под нами расстилалась пропасть.

Это меня очень удивило и озадачило. Признаться, в какой-то момент я вовсе перестала следить за окружающим пейзажем. Всё, что меня заботило последние два дня – это как не упасть и не проститься с жизнью.

Становилось холоднее. Ступая на каменный пол, стопой ощущала, насколько он ледяной. Коридор за коридором. Я с нездоровым интересом всматривалась в окружающее меня пространство. Комнаты, выбитые прямо в горной породе, занавешенные плотными тряпками входы. Из глубины этих помещений доносились гортанные низкие голоса. Отодвигая ткань, за мной подглядывали дети разных возрастов. Их лица были чисты. Встретив такого малыша где-нибудь в деревне или городе, я никогда бы не признала в нём гурона.

Мы спускались ниже, а, может, и поднимались: я совсем перестала ориентироваться в пространстве.

Крысы, влажные стены и ошмётки чего-то на утоптанном каменном полу.

Всматриваться по чему иду, я не желала. Просто приказала себе не смотреть, и всё.

Миновав несколько больших помещений, мы вышли туда, где я бы пожелала оказаться в последнюю очередь. Бегло осмотревшись, прикусила губу.

Клетки, клетки, клетки.

Вокруг одни узкие клетки да решётки, уходящие куда-то вверх.

Посередине этой огромной каменной залы было что-то вроде огороженной арены.

Сглотнув, я представила, что может тут происходить.

Но ничего, что могло бы меня успокоить, на ум не приходило. Одна мысль страшнее другой.

– Гуроны – племя азартное, – наконец-то, подал голос мой конвоир, – мы любим игры. Особенно, когда игроки ещё живые. Ты будешь биться за свою душу, а когда умрёшь – твоё тело продолжит поединки, пока не истлеет или его не уничтожит соперник. Это будет очень весело.

– Не мне, – шепнула я, но он услышал.

– Нет, не тебе, – его смех эхом разошёлся по пещере. – Жаль, что тебя придётся оставить здесь. Любой бы хотел владеть сильной женщиной. Может быть, тебе позволили бы даже родить нам дитя. Но ты поспешила проявить непочтение.

От услышанного мои ноги подкосились. Нет, уж лучше эта арена, чем перспектива рожать этим тварям детей.

Не говоря больше ни слова, гурон втолкнул меня в тесную клетку, в которой даже в полный рост не встать.

– Сиди пока тут, – бросил он напоследок, – выживешь в первой схватке – определю куда-нибудь. Ну, а если нет, так и нечего с тобой возиться.

Сглотнув, я устала на арену, которая находилась в каком-то метре от меня.

Мой разум отказывался воспринимать происходящее.

Прошлый плен у гурон, резко показался мне детским приключением.

Перед глазами стоял образ седовласой Ниори. Она ведь в подобном месте годами жила. Теперь я осознала, что означает каждый белый волосок на её голове.

От страха я заскулила.

Сжавшись, обняла колени и, наконец-то, дала волю своим чувствам. В памяти всплывали все обрывочные рассказы о подземельях гурон. В ушах стоял крик Ниори, который я однажды

случайно услышала ночью, стоя в коридоре. Итан и по сей день борется с её кошмарами, но они не отступают, терзая её душу.

Я не желала повторять её судьбу.

Мне было жутко даже от мысли, куда я попала. Утирая слёзы, осмотрелась. Мой взгляд натолкнулся на то, что находилось за ареной. Видимо, это и был основной источник вони. Груда тел, даже не целых, а кусков.

Десятки разорванных жертв этих подземелий.

Закрыв рот руками, я пыталась сдержать рвотные позывы.

Хорошо, что в тумане живое не плодилось: я мысленно представила, сколько мух бы летало в воздухе. Мне стало совсем плохо. Зажав голову между колен, я раскачивалась из стороны в сторону, и вслух уговаривала себя успокоиться и быть сильной.

Этот монолог казался мне спасением.

Незаметно для себя, я, кажется, отключилась.

Из забытья меня вывел жуткий лязг металла. Клетку арены отворили и впихнули внутрь довольно упитанного мужика. Продрав глаза и встряхнув остатки вязкой дремоты, я схватилась за толстые прутья и придвинулась ближе. Мужик был явно из южных земель. В грязной местами продранной одежде угадывалась военная форма.

Дезертир или пленный.

Я жутко недолюбливала княжеских вояк. Те сами по себе зверьём были: служить никто из нормальных мужиков не шёл. То, что они творили с местным населением, ни для кого тайной не было.

Их ненавидели до такой степени, что захватчиков северян встречали с хлебными лепёшками и молоком.

Так что сейчас сострадание при виде этого мужика во мне не проснулось. А вот нездоровый интерес к происходящему очень даже. Как зверёныш я крепче ухватилась за прутья решётки и выглянула наружу.

Оказавшись на арене, мужик прошёлся до её середины и остановился. Княжеский пёс явно понимал, зачем он тут и убивать был готов. Разминая шею, он невольно бросал взгляд на гору останков. Похоже, она его впечатлила ничуть не меньше, чем меня.

Позади лязгнула дверь одной из камер, и послышался отчаянный крик. Слова я разобрать не смогла, слишком странный говор. Мимо меня протащили нечто отдалённо напоминающее человека. Худой, в лохмотьях мужичок. Оборванец, покрытый язвами.

Спешно засунув его на арену, гуроны поспешили закрыть дверь.

– Убьёшь его – будешь жить. Нет, значит, подохнешь, – выкрикнул размалёванный гурон.

Только сейчас я поняла, что в помещении слишком много народу. Я проспала момент, когда все они появились.

Простые надзиратели сидели на каменном полу, при этом ноги их были скрещены, а спины ровны. За ними стояла дюжина разукрашеннолицых.

Узоры, странные полосы и завитки покрывали их кожу.

Между ними обнаружилось некое возвышение, которое я изначально приняла за простой камень. Но нет, это явно был пьедестал, на котором с важной рожой восседал вождь. Тот самый гурон, что сослал меня сюда. Он резко выделялся из числа остальных, и не только красными узорами на лице, но и поведением. Перед ним преклонялись. Не смотрели в глаза и бесконечно кланялись.

Словно он божество.

Сглотнув, я оторвала взгляд от хозяина этих подземелий и снова повернула голову на арену.

Бой начался. Похожий на борова княжеский вояка ринулся на полумертвого пленника, словно перед ним был реальный враг. Как же мерзко это выглядело со стороны.

Но...

Я ошиблась!

Стоило толстяку приблизиться к этому задохлику, как ситуация резко изменилась. Одним стремительным движением мужичок увернулся от неминуемого удара и запрыгнул солдафону на спину. Ещё одно мгновение, и боров завизжал.

Тот, кого я посчитала слабым, оказался в разы опаснее. Без жалости и сомнений он буквально раздирал горло сопернику когтями и зубами.

Княжеский пёс, пытаясь спастись, завалился на спину, давя соперника весом, но ничего у него не выходило.

Брызнула кровь. Фонтан красных капелек окропил каменный пол арены, решётку и... меня.

Дерущиеся были слишком близко от моей клетки. Я с нездоровым интересом, оттирая чужую кровь с руки и щеки, наблюдала, как задохлик рвёт противника.

Понимание накрыло с головой.

Это умертвие.

Он показался мне исхудавшим и изнеможённым, а в действительности мужчина был просто мёртв.

Это бледность трупа.

При этом умертвие явно было не первой свежести.

Те визги, что я слышала, – это не страх, а предвкушение трапезы.

Закрыв уши и глаза, я предпочла пропустить завершение боя.

Толстяк был ещё живой.

Предсмертные хрипы всё равно прорывались в моё сознание. Остальные звуки я старалась не замечать и не обдумывать, каким действиям умертвия они соответствуют.

Я не желала этого знать.

Глава 9

Время тянулось нескончаемо долго. Я сидела в клетке и тряслась от ужаса. На арене всё ещё продолжалось представление. Умертвие издавало странные гортанные звуки. Ещё живой мужик периодически орал: нет, он голосил, как истеричная баба и молил о помощи. От его визга мне становилось просто жутко. Я пробовала заткнуть уши сильнее, зажимала голову между колен. Но всё тщетно: эти вопли просачивались в моё сознание. Открыв глаза всего лишь на мгновение, увидела, как живой покойник прямо зубами рвал жертву.

Сильнейший спазм желудка вынудил зажмурить глаза сильнее. Это было выше моих сил. Моя магия явственно чувствовала угасание чужой жизни.

Я старалась уйти в себя, оторваться от реального мира. Бубня себе под нос считалочку, отчётливо понимала, что это не срабатывает. Я буквально фонтанировала страхом. Он сочился из моей души и был практически осязаем.

А жертва на арене всё вопила и не желала испустить дух. Мысленно уже даже я просила его закрыть рот, хотя и ненавидела себя за такую слабость.

А время всё тянулось, терзая и мучая.

Наконец-то, толстяк затих.

Хохот гурон сошёл на нет. Осторожно повернув в их сторону голову, поняла, что они ждут чего-то. Умертвие, бросив свою добычу, чуть отползло и припало к полу. Принохиваясь, оно нелепо вертело головой.

Моей ноги коснулось что-то холодное.

Медленно опустив взгляд на пол, замерла, не в силах даже вдох сделать. Между моих ног проползал туман: словно змея, он извивался из стороны в сторону. И это была не просто молочно-белая дымка, а тот самый, что выпивал свои жертвы, беря в плен их души. Я остро ощущала его голод и дикую жажду.

Толстые щупальца, огибая меня, устремились на арену. Соскочив, мёртвый резко отпрыгнул в сторону, давая возможность полакомиться магической сущности.

Скользнув в жертву, одно из щупалец резко отпрянуло, вырывая из изувеченного тела грязную почти чёрную душу. С искажённой от злобы мордой тень пронеслась по арене и, проскочив сквозь мою клетку, устремилась куда-то под потолок.

У меня волосы дыбом встали. Казалось, даже мысли заикаются в голове.

Мерзкая тень.

Проснувшаяся было жалость к погибшему воину растаяла без следа. Что же нужно творить при жизни, чтобы твоя душа превратилась в такую грязь.

Тело княжеского пса дёрнулось, но не восстало: слишком сильны были повреждения.

– Аккуратным нужно быть, шуршун, – величественно взмахнув рукой, произнёс жрец гурон, – такой раб мог бы получиться. Что же ты так оплошал.

На моё удивление, победившее умертвие повалилось на колени и дроболызнулось лбом об пол. Это что он так в вине кается? Но как так? Нет у умертвия разума.

Или я чего недопонимаю.

Может души нет, а разум на месте?!

Мне стало совсем жутко.

– Девку ведите, – смеясь, приказал вождь, – я хочу видеть её бой. Пусть теперь она нас потешит вдоволь. На сей раз не расстраивай меня, шуршун.

Все повернулись в сторону моей клетки.

Сообразив, что это они обо мне, заледенела вся. Пальцы, сжавшие прутья, побелели.

Нет.

Не хочу.

Только не туда!

Дверь заскрипела, и надзиратель попытался выдернуть меня.

Я не далась, готовая даже зубами впиться в решётку, но не вылезать наружу.

– Всё одно придётся драться, – тихо и очень спокойно произнёс гурон, в его глазах я увидела что-то такое, что быстро привело меня в чувство. Это было сострадание. Простая человеческая жалость. – Женщина, разожми руки, – ещё тише зашептал он, – тут выбор невелик, но разница лишь в том, что, либо ты всё силы потратишь на бой со мной, либо на арене с ним.

Его слова быстро дошли до меня. Сделав глубокий вдох, я опустила руки и позволила вытащить себя из клетки.

В чём-то этот странный надсмотрщик был прав. Никуда я не денусь, но шансы потеряю.

Хотя, о чём я.

Это же мертвые.

Пока меня волокли к входу на арену, я лихорадочно вспоминала ту ночь, когда впервые столкнулась с мёртвыми тварями. Мужики тогда отбили нас. Без оружия, голыми руками.

Отбросив в сторону страх, я пыталась выровнять дыхание. Это человек. Мёртвый. Он слабее меня. Должен быть слабее.

Меня впахнули на арену.

Осторожно обойдя тело упитанного вояки, внимательно оглядела его убийцу.

Не свежачок. Есть следы разложения. Морда страшная до одури.

На щеке рваная рана. Глаз один заплыл. Ага, значит, плохо видит. На шее явно куска плоти не хватает. Приглядываться не стала, мне такие воспоминания ни к чему.

Но подлая память тут же подбросила мне картинку, как мужики ногами долбили мёртвым по шеем, отделяя их головы от тела.

Среди гурон слышались недовольные шепотки. Они отвлекали и раздражали одновременно. Но голову в их сторону я не повернула, боясь, что позволю застать себя врасплох.

Внутри тряслась, как заяц. Казалось, что всё нереальность. Что это не со мной.

Но, увы.

Мёртвый кинулся. Словно замороженная, я смотрела, как он прыгает, и в последний момент просто сделала шаг в сторону.

Промохнулся. Наконец-то, сбросив с себя оцепенение, я воспользовалась моментом и попыталась сделать с ним то же, что и он с прошлым соперником, но не вышло. Стоило мне попытаться запрыгнуть ему на спину, как он увернулся и отскочил. Теперь мёртвый действовал осторожнее. Мы ходили кругами, старательно обходя тело на полу. Мои нервы были на пределе.

Я не умела сражаться. Не знала, как нанести удар, как покалечить.

Я уже молчу о том, как убить.

Я просто не знала, что мне делать.

Пленники из ближайших камер зорко следили за мной.

Каждый второй показывал на свою шею. Но я и сама понимала, что это единственное слабое место мертвяка. Моя проблема была не в этом.

Я просто ни разу в жизни не дралась по-настоящему.

Гуруны были явно недовольны. Наверное, они ждали моего быстрого поражения: визгов, писков, криков о помощи, мольбы, и, наконец, агонии смерти. А вот мне очень хотелось оставить их разочарованными.

Мертвяк снова бросился на меня.

Я отскочила уже куда проворнее и продуманнее. Упав на колено, быстро поднялась.

– Кончай девчонку, – рявкнул вождь, – что ты возишься с ней.

И вот тут я словно с цепи сорвалась.

Я не была готова закончить свой путь здесь на потеху зверям. Оскалившись, я сама бросилась на этого доходягу. Увернулся, но неудачно впечатался лицом в прутья клетки.

– Прижимай его, к решётке ногами и дави что есть силы, – громкий мужской рык донёлся до меня из глубины помещения, и быстро потонул в гвалте других. Но я его услышала. Не думая, решила делать, как говорят. Схватившись за плечи, буквально впрыгнула на спину умертвию, пока тот держался за прутья, и обхватила ладонями его мерзкую голову. Мои пальцы запутались в грязных невымытых волосах.

Зажмурившись, я успокаивала себя тем, что это всё временно. Что нужно потерпеть ещё немного и всё закончится.

«Этот человек уже мёртв, – твердила я самой себе, – это просто жестокий кусок мяса, натасканный, чтобы убивать».

«Души там нет».

«Это просто ходячее тело».

«Не человек».

Мои колени упирались ему в плечи, а я тянула мертвую голову назад. Сместив одну руку, ухватилась за подбородок.

Мгновение, его нечеловеческие вопли и что-то хрустнуло.

Мертвяк обмяк. Его руки разжались и отпустили прутья.

Скатившись с него, я, кряхтя, поднялась на ноги и взглянула на гурон.

Вождь был зол.

– В клетку её, – спокойно приказал он, но я видела, как ходили желваки на его лице. – К кому посерьёзнее, чтобы научили страху. К Северянину! Пусть развлечётся и поставит её на место.

С этими словами он встал и направился в коридор, остальные посеменили следом.

Глава 10

Только после того, как вождь со жрецами убрались отсюда подальше, решётку открыли и внутрь вошли три надзирателя. Один из них грубо отпихнул меня в сторону. Оставшиеся двое, схватив покойников за ноги, скинули их в странное отверстие на полу, которое отдалено напоминало слив. Это немного озадачило. Я, наконец-то, затравленно осмотрелась.

На стене сверху обнаружился ещё один необычный круглый камень только гигантских размеров. Он что-то перекрывал.

Шлюз?!

Я вспомнила истории Ниори о том, как их мыли, и как убирали камеры.

«Открывали гигантский шлюз, – тихо шепнула я, повторяя её слова, – мы держались за стены камер. Кто был слаб, того уносило прочь».

Сглотнув, я, кажется, начала сесть. Ведь это то, что ждёт в ближайшем будущем и меня. Весь этот кошмар. Закрыв глаза, я тихонько выдохнула. Моя нижняя губа предательски тряслась.

Мне было страшно.

Вокруг горы трупов... в камерах непонятно, то ли живые, а то ли мёртвые. И все они затравленно тарасились на меня. Словно оплакивали.

Нет, не нужно на них смотреть, чтобы не помнить. Ни лиц, ни этих взглядов.

Если выживу, чтобы не снились. Не возвращались в кошмарах.

Гурон грубо схватил меня за волосы и потащил прочь. Я не сопротивлялась. Сил уже ни на что не осталось.

Волоком выдернув с арены, мужчина быстро потащил меня по проходу. В глазах резко потемнело, и я почувствовала, как заваливаюсь на пол. Но гурона это ничуть не смутило. Намотав мои волосы на кулак, он всё-таки дотащил меня до ближайшей решётки и громко выкрикнул.

– Эй, северянин, это не убивать. И не вздумай её покалечить, тупое ты умертвие. Хотя можешь залезть на неё разок, чтобы она поумнела и ты, наконец, перебесился, – услышав такие слова, я завершала, но никого мои вопли не тронули. Меня закинули в клетку с умертвиями.

Упав навзничь, я приложилась подбородком о каменный пол. Но быстро собралась и встала на четвереньки. Признаться, ожидала нападения, но мужчины не шевелились.

Одно умертвие лежало у самых дверей. От него смердело так, что тошнота подкатывала. Серая рожа, голова в проплешинах. Цвет волос определить было уже невозможно. Кровь и грязь сделали своё дело.

Этот мертвяк даже глаза не открыл.

Я быстро перевела взгляд на второго.

Он сидел в углу, укутавшись одеялом с головой. Вокруг него горы непонятных вещей. Сумки, тряпки, огниво. Всё это было свалено в кучу и выглядело как хлам.

Очень медленно, словно боясь спровоцировать кого-либо из них, я на четвереньках добралась до противоположного угла и замерла там.

Шли минуты, никто не двигался ни в нашей клетке, ни в соседней.

Там, вообще, кажется, и умертвия уже признаков жизни не проявляли.

В помещении было тихо, как на кладбище. Я старалась найти взглядом хоть кого-то живого, но ничего.

Наконец, укутавшись в плащ, притихла и я.

Напряжение сходило на нет. Мои соседи признаков хоть какой-то активности не проявляли. Я гадала, кто же из них тот самый бешеный северянин, который, по словам вождя, дол-

жен поставить меня на место. Мой взгляд метался между мужчинами. Руки тряслись, и я никак не могла унять эту дрожь. Кто же из них мой палач.

В голове роились жуткие мысли. А глаза предательски слипались, я клевала носом и, кажется, всё же задремала.

В чувства меня привела резкая боль в ладони. Вскрикнув, распахнула глаза и завизжала дурниной от шока. Рядом со мной на пузе лежало плешивое умертвие с пустой глазницей и грызло мою руку беззубым ртом.

Я вопила, не способная совладать с собой. Дёрнув свою конечность, кажется, вырвала её с челюстью покойника. Услышав мой вопль, соскочил и второй мужчина. Он оказался куда свежее. Я вовсе бы не сказала, что он мёртв.

Оценив обстановку, мужчина подбежал ко мне и смачным пинком отправил в полёт мертвяка.

Тело кубарем покатило по полу и замерло у решётки.

– Моя, – этот рык заставил меня замереть и затаить дыхание.

С глаз предательски скатывались слезинки. Мой запас прочности подошёл к концу, и я медленно скатывалась в истерику.

Бросив на меня внимательный взгляд, мужчина прошёлся до умертвия и, поставив ногу в тяжёлом ботинке тому на голову, просто раздавил её одним резким движением. – Нельзя трогать моё, – прокомментировал он свои действия.

По полу расплзлось что-то розовое, похожее на студень. Мертвяк обмяк и больше признаков жизни не проявлял.

Меня вывернуло жёлчью.

Обернувшись, умертвие оценивающе уставилось на меня.

От этого взгляда ясных зелёных очей стало совсем жутко. Открыв рот, я попыталась вымолвить хоть слово, но не смогла. Этот мужчина казался мне смутно знакомым. Такое странное ощущение, что видела я его не раз, но где? Покачав головой, я потёрла укушенную руку об пол.

От омерзения у меня желудок наизнанку выворачивался.

– Не трону, – коротко бросил он мне. Подняв с пола влажную тряпку, схватил мою ладонь и быстро обтёр место укуса.

А после вернулся в свой угол и замер там.

Я же постепенно приходила в себя. Мой взгляд то и дело возвращался к лицу мужчины, которое он не прикрыл. Длинные неровно срезанные русые волосы ниспадали на глаза. Чуть выдвинутый вперёд подбородок, высокие скулы, нос с небольшой горбинкой, впалые щёки. Он был красив, но серая кожа всё же выдавала в нём умертвие. Хотя, это была скорее просто нездоровая бледность, как у больного, но не мёртвого.

– Мы знакомы? – всё же спросила я спустя время, когда сердце подпустило, и дышать стало легче. – Вы ведь и есть северянин?

Он не ответил. Просто смотрел перед собой, и всё.

– Мне кажется, я уже видела вас, – всё же настаивала я.

Чем больше я всматривалась в черты его лица, тем более убеждалась, что не совсем он незнакомец.

– Тебе лучше не помнить этого, – ровно произнёс он и накинул на голову грязное одеяло.

У меня внутри всё сжалось. Не показалось.

Но где? Где я могла видеть его?

Не наш деревенский, это уж точно. Обхватив голову руками, я напрягала память, но ничего. Любопытство подстёгивало продолжить свои расспросы, но подсознательно некий страх удерживал меня от этого.

Время угнетало. Я сидела на холодном полу и окуналась в некую безысходность. Мой взгляд постоянно останавливался на мужчине.

– Вы были знакомым моего отца? – всё же шепнула я.

– Запомни на будущее, которое, я надеюсь, у тебя будет, здесь лучше молчать и даже дышать очень тихо. Сними свой плащ, и спрячься под ним, по возможности изображай труп. Слишком активные быстро оказываются вон в той клетке посередине.

Глянув на арену, я сглотнула и вытерла с лица слёзы, тыльной стороной кисти.

– Не плачь, – тут же шепнул он, – не надо плакать, я не обижу.

– И как часто там... – я не могла подобрать нужного слова.

– Не часто, но и не так редко, как хотелось бы. Так что просто затаись и не привлекай к себе внимания.

Я быстро закивала и потянула за завязки своего плаща, стягивая его с плеч. Мои пальцы не слушались, меня всё ещё немного трясло.

– Но вы не ответили на мой вопрос. Вы знакомый моего отца?

– Живым я его не знал, – ровно произнёс мужчина, – лучше не лезь ко мне с расспросами, красавица.

В коридоре послышался неясный шум. Я замерла, а потом быстро накинула капюшон на голову, скрывая тело под тканью плаща.

Гуроны вели рыжеволосую.

Умертвие слишком покорно плелось вслед за ними. Но стоило ей оказаться в соседней камере за закрытой дверью, как она тут же накинулась на её обитателей.

Отвернувшись и закрыв лицо ладонями, я пыталась не слушать булькающие звуки. Через пару минут всё снова стихло.

– Я доберусь до тебя, вартеса, – глухо зашипела она.

Глава 11

Сидя на холодном полу, я не знала, что и думать, и как быть. Меня съедало то чувство, когда хочется соскочить с места и куда-то бежать, но толстые прочные решётки клетки этому не способствовали.

Я постоянно ловила себя на том, что пытаюсь рассмотреть, дышит ли мой сосед. Поднимается ли под этим грязным потёртым линялым одеялом его грудная клетка.

Тишина угнетала. Она давила на сознание, медленно сводя с ума.

– Отсюда можно выбраться? – шёпотом спросила я у своего спасителя, надеясь, что это его не разозлит. Ведь гуроны назвали его бешеным. А по мне, так первый нормальный человек, встретившийся мне за последние несколько дней. Да, я думала о нём, именно как о человеке, живом и разумном. Не желала я видеть в нём умертвие.

– Не думай об этом, – не сразу отозвался он. Одеяло чуть натянулось, и мужчина сел ровнее. – Это не то, что должно заботить тебя.

Шмыгнув потёкшим носом, я обняла колени и поставила на них подбородок.

– А что же меня беспокоить должно? – мне очень хотелось поговорить, чтобы отогнать страх и безнадёжность. А расположение этого мужчины только подкупало. Может, удастся забраться к нему под крылышко и получить хоть какую-то защиту. Ну, или просто, человеческое тепло. Ведь он северянин, а они женщин ценят. Во всяком случае своих.

Эта мысль заставила меня замереть. Ведь он отчётливо сказал: «Моя». Это показаться мне не могло. Он убил за то, что тронули его. Сглотнув, я кашлянула. Горло начинало неприятно першить. Всё указывало на то, что я заболела. Но эти проблемы я пока отодвинула в сторону.

– Так, о чём мне беспокоиться? – пропищала я не своим голосом.

– Как не умереть, – донеслось до меня из-под одеяла.

Медленно кивнув, я прикусила собственный язык, чтобы не спросить, что означало это его: «Моя». Но и так понятно было. Слишком много примеров вокруг, чтобы догадаться, о чём он.

– А вы древний?

Вот зачем? Ну, кто меня дёрнул за язык. И так, понятно, что не Иной.

Да, запах. Он его услышал. Чем я интересно пахну? Да, какая разница.

Схватившись за голову, я качнулась. Кажется, я всё-таки спятила. Он не живой. Ну, какой избранный? Какой запах?

Хотелось кричать. Вопить. Но вместо этого, я прожигала взглядом мужчину.

– Может, скинете эту штуку с лица, и поговорим, – грубовато предложила я.

Он не ответил, отвернулся к стене и замер. Меня снова окружила гнетущая тишина. С противоположной соседней клетки зыркала недобрым взглядом рыжуха.

Это так давило, что, не выдержав, я обняла колени руками и уткнулась в них носом. Мысли, они пугали. Что будет дальше? Как быть? И кто он? И... а впрочем, и пусть. Что в нём не так?! Он защитит. Если я его, то не даст в обиду. И пусть вот такой, зато я, наконец, нашла того, кто будет любить. Оберегать.

– Поговорите со мной, пожалуйста, – протянула я. – Тут хоть кормят?

– Спи, девочка, – в его голосе звенела подкупающая нежность. – Сегодня еды не будет. Вода с моей стороны. За решёткой ручеёк, если потянешься – достанешь. Вода в нём чистая, можно не переживать.

Теперь мне стало понятно, откуда тут такая влажность. Я осмотрелась. Стены пещеры покрывала чёрно-зелёная плесень. Встав, я прошла до мужчины и заглянула через него. И, правда, совсем рядом из-под камня пробивался тонкий ручеёк.

– Это роскошь, – шепнул сосед. – У других и того нет.

– Вы здесь давно? – протянув ладонь, я хотела было убрать с его головы ткань, но в последний момент отдернула руку.

– Я не помню. Наверное, да. Война Древних с южных варданов закончилась? – поинтересовался он, немного помолчав.

– Нет, – я напрягла память, в политических вопросах была не сильна. – У первых врат до сих пор делят территорию. Снежные и безликие теснят Древних.

– Первых врат? – переспросил сосед. Он, наконец, откинул одеяло и посмотрел на меня. Я даже как-то призадумалась, глядя в необычно яркие зелёные глаза. Такие красивые, пленяющие, обрамленные густыми длинными чёрными ресницами. В них не было и намёка на смерть. И, вообще, зрительно, кроме чуть посеревшей кожи и лёгкого истощения, ничего не намекало в мужчине на мертвие. Наоборот, северянин был необычно хорош собой. Смутившись, я отвела взгляд.

– Врат уже несколько? – уточнил он, не замечая моего состояния.

– Да, – спохватившись, я закивала. – Несколько лет назад мужчины моего клана создали ещё одни, и перешли на южную сторону. Я южанка. Мои сёстры вышли замуж за вардов, – с удовольствием рассказала я.

Болтать всё лучше, чем молчать.

– Да, я помню тех мужчин, – он кивнул, глядя перед собой. – Иные, сильные.

– Значит, мы знакомы через них? – обрадовалась было я.

– Нет, – рявкнул он, – я не желаю это обсуждать. Ни сейчас, ни потом.

В коридорах что-то грохнуло. Звук громким эхом донёсся до нас.

– Сядь! – скомандовал северянин. – Не нужно лишний раз демонстрировать им себя. Живые тут роскошь.

Я быстро выполнила, что он сказал. Но вопреки логике, не вернулась в свой угол, а опустилась на пол прямо рядом со своим спасителем. Он уже меня не пугал и не отталкивал. Наоборот, я настойчиво искала в нём защиту.

Накинув на голову плащ, подтянула к себе колени и принялась рассматривать укусы, что оставило мне бешеное мертвие. Кожу он мне знатно ободрал.

– Потом промою, – негромко пробормотал сосед, – а сейчас даже признаков жизни не проявляй.

Сглотнув, я сжалась и, пытаюсь подавить в себе страх, наблюдала, как в зал пещеры вошли несколько мужчин. Обнажённые в повязанных на бёдрах шкурах. Их тело покрывала роспись кроваво-красного цвета. Лысые. Кожа подозрительно лоснилась, бликуя отсветом многочисленных факелов.

Нашу клетку они миновали сразу. Пошли дальше. Их разговор чуть притих. Но звук шагов всё ещё отчётливо отражался от стен. Что-то звякнуло. Почти идеальную тишину пронзил истошный мужской визг.

Пленник пытался что-то кричать, но слова тонули в рыданиях.

Я никогда не слышала, как плачут мужчины.

Страх ледяной изморозью скользнул вдоль позвоночника.

Не понимая, что делаю, я ползком подобралась к сокамернику и прижалась к его холодному телу, надеясь получить защиту. Огромная мозолистая ладонь обхватила меня за талию и быстро затянула под одеяло.

Пленник всё вопил. Звук приближался.

Неспособная удержать дрожь в руках, прижала их у груди мужчины. Тот, словно понимая моё состояние, без слов притянул меня ещё плотнее к себе.

– Сдерживай эмоции, маленькая моя, – шепнул он, – одним они не ограничатся.

Я закивала как болванчик, чувствуя, как по щекам скатываются слёзы. Я была смелой в лесу, не понимая, куда нас ведут. Надеялась, что это будет просто лагерь посреди тумана, но не пещеры полные мертвяков.

Хлюпнув носом, и вовсе обняла за шею мужчину, прижимаясь лбом к его плечу. Это было даже странно, но от северянина не исходило специфического запаха. Желая хоть немного забыться, я потянулась к нему магией и пришла в недоумение. Его тело охотно приняло её, жадно поглощая. Мёртвые так себя не ведут. Только тяжелобольные.

Опустив ладонь на его грудь, пристроила её в области сердца. И снова послала слабый поток жизненной энергии.

Удар!

И тишина!

Сглотнув, я замерла.

Это было его сердце.

Оно билось.

Пусть и медленно, но всё же.

От соседа меня отвлек лязг решёток, совсем близко.

Непроизвольно вздрогнув, в панике залезла на мужчину верхом, прижавшись щекой к его груди.

Снова удар! Его сердце забилося чаще.

За пределами нашей камеры завопила женщина.

– Не меня! Её возьмите её – она живее меня!

Эти слова напугали ещё больше. Дрожа всем телом, я буквально фонтанировала светлой энергией жизни, скрывая всю тёмную энергетику дурных эмоций. Это был единственный способ заглушить весь ужас этого момента.

Глава 12

Пленники орали, молили о пощаде.

Я тряслась, комкая грязную ткань мужской рубашки. На неё градом капали мои слёзы.

– Тихо, – шептал мужчина, поглаживая меня по спине. – Слишком много эмоций, Лестра.

Я вздрогнула, услышав собственное имя, и действительно, немного взяла себя в руки.

Тяжело дыша, старалась ничего не слышать и ни о чём не думать.

– Как вас зовут? – выдохнула первый вопрос, что пришёл мне на ум.

Его рука дрогнула и замерла. Я ждала ответ, но он молчал.

– Моё имя ни о чём тебе не скажет, красавица, – наконец, тихо пробубнил он.

– И всё-таки мне ведь нужно как-то к вам обращаться, – мне было важно услышать имя.

Может, тогда я вспомню его.

– Вьюго, – нехотя пробурчал он.

– Вьюго, – повторила я, – а дальше?

– Вьюго из Худовинки, я из простых. Из деревенских.

Ничего. Я никогда не слышала о мужчине с таким именем. Да и откуда мне знать северянина из простых. А может, он один из воинов нашего вардана. Тогда понятно, откуда ему известно моё имя. Может, и я где его видала.

– Вы с севера. Воин? – он кивнул, мне стало как-то легче. Вот и разобралась. – Моё имя вам, как я уже поняла, известно. Но всё же. Я Лестра из Красенки. То же из простых, деревенских.

– Не вартеса? – в его голосе звучало сомнение.

– Ну, по правде говоря, вартеса, но это не отменяет того, что родилась я в простой деревеньке.

– Жених есть? – теперь, кажется, любопытство проснулось у него, я была этому рада. Всё не слышать того, что творится вокруг. Под этим одеялом я была как в коконе.

Тепло, уютно и не страшно.

– Нет, – охотно ответила я, – жду своего избранного и всё никак?

Я взглянула на его лицо, желая видеть эмоции. Скажет ли, что я его женщина, или промолчит.

– Что так? – Вьюго старательно не замечал мой взгляд. – Чтобы Иные да не позарились?!

– У меня, знаешь, какие зятья, – тихо шепнула я, отчётливо услышав крики из коридора, – они всех от меня гоняют.

Он очень тихо рассмеялся. Этот неожиданный звук вновь успокоил и придал уверенности.

– Есть хочу, – пожаловалась я и положила голову ему на грудь.

– Не боишься меня? – на мою спину снова легла тяжёлая мужская ладонь.

– Нет, – я точно отдавала себе отчёт в том, кто он и на что способен, но страха не испытывала.

– Это правильно, я никогда не обижу тебя. Интересно судьба сложилась. Хоть могу перед тобой вину искупить, – пробубнил он словно сам себе.

– Вину? – не поняла я – Ты о чём?

– Это неважно, – тяжело вздохнул он. – Главное, что у меня появился ещё один шанс.

И я тебя не подведу, красавица моя.

Мы замолчали, каждый думал о своём. Крики не утихали.

Мне было даже страшно представить, что делают там с людьми. Отчего можно так истошно орать. Хотя почему не могла, я уже видела, как развлекаются гуруны, а это, видимо, более высокий уровень пыток. Изошрённое, что ли.

– Ты когда-нибудь был там? – неуверенно поинтересовалась я, имея в виду пыточную.

– Где там? – всё же не понял он.

– Там... – я запнулась, – где они кричат.

– Да, бывал и не раз, – ровно произнёс он.

Прикрыв глаза, я не решалась задать следующий вопрос. Страх липкой рукой сжал сердце. Я дрожала и только сейчас поняла это.

– Скорее всего, я умер там, в тех комнатах. Хотя, и не помню этого момента. Душа всё ещё при мне. Мертво лишь тело.

– Твоё сердце бьётся, – шепнула я, зажмурившись.

– Нет, я давно уже мёртв, – он отмахнулся от моих слов, – просто душа к телу тёмной магией привязана. Сначала думал, что это моё проклятие, а теперь осознал – в этом моё счастье.

– Я тебя не понимаю.

– Тебе и не нужно.

Женский визг внезапно стих. Словно кто-то его оборвал на верхней ноте. Наступила страшная тишина. Мужчину в пыточной тоже слышно не было.

– Это плохо, – Вьюго подтянулся и одним резким движением перекинул меня через своё тело в угол клетки. Я неуклюже прижалась к решётке, за которой было небольшое пространство и каменная стена. Моего слуха коснулось тихое журчание ручейка.

Вспомнилось, что я не уточнила, где туалет. Несколько предположений смутили и испугали одновременно. Но сейчас было не время беседовать о местном быте. Сверху на меня упало одеяло. Мой сосед поднялся.

Очень быстро он подобрался к покойнику, что неподвижно валялся в дальнем углу и резким движением вырвал тому руку.

Меня замутило. Зажав рот ладонью, я плотно закрыла глаза, справляясь с горечью, подступившей к горлу. Но всё же, мне нужно было знать, для чего он осквернил умертвие. Уговаривая себя, быть сильной, я снова глянула на Вьюго.

Он творил невероятное. Половина нашей камеры была перемазана частями разложившегося тела. Создавалось впечатление, что тут была бойня не иначе.

– Вьюго, – громко шепнула я.

– Рот прикрой. Залезь под одеяло с головой и притихни, словно ты мертва. Тебя нет в живых, Лестра, я убил тебя. Ясно!

Я закивала и, неслушающимися пальцами сжав кусок затхлой ткани, забралась под неё.

Выглядывая, я всё не могла сообразить, к чему весь этот кровавый ужас. Запах разложения усилился. И чтобы хоть как его перебить, я достала из запазухи веточку анчара. Не помогло. Запах гниющего мяса забивал мне нос и не давал нормально дышать.

Словно услышав что-то, Вьюго подхватил какую-то тряпку, подозрительно похожую на старый плащ, и вернулся ко мне. На удивление, кровь и частички чего-то склизкомерзкого обнаружили только на его руках. Перегнувшись через замершую меня, он протиснул грязные конечности через решётки и с постным выражением лица опустил их в ручей.

– Накройся и даже не дыши. Думай о чём-нибудь хорошем, – шепнул он.

– Мне что-то грозит? – пролепетала я.

– Новеньких часто уводят в первый день. Сегодня до тебя сюда уже завели несколько свежих живых, но лучше всё же отвести их от нашей камеры, и сделать так, чтобы про тебя позабыли.

Из коридора донёсся звук шлёпающих по камню босых ног. Замерев, я сделала небольшую щёлку между полом и одеялом и наблюдала, как размалёванные гуруны возвращали пленников, за ноги волоча их тела по полу. Женщина выглядела как мёртвая, а вот мужчина стонал в беспомощности. Его голова моталась из стороны в сторону.

– Ненадолго их хватило, – без эмоций прошептал Вьюго.

Следом за воинами, тащившими замученных людей, в зал пещеры снова вошли два размалёванных гурона. Остановившись у нашей камеры, они заглянули внутрь.

– Что здесь произошло? – взревел один из них. К нашей клетке спешно подбежали остальные воины, бросив женщину валяться в проходе.

– Северянин! – поднялась суматоха. – Тебе было велено женщину не трогать. Да, что в твоей голове творится? Тебя уже и в камеру как прочую падаль засунули, а ты всё не успокойсь.

– Я хочу есть! – зло рыкнул Вьюго, не оборачиваясь.

– А женщина-то здесь причём? Чем она тебе не угодила? – жрец рвал и метал, воины выглядели виноватыми. – Зачем безносого разорвал?

– Он тоже хотел есть! А баба не его еда!

Странно, но сейчас Вьюго вёл себя как умертвие. Не удержавшись, я коснулась пальцем его бедра. В мою душу мгновенно хлынула тьма. Энергию тумана я не могла не узнать. Но она вела себя странно: вместо того, чтобы накинуться на мою светлую магию, она укутала её. Я чётко ощущала её неожиданное тепло и ласку.

– Не еда, а зачем ты её умертвил? Приди уже в себя, северянин, и возвращайся к своей работе. Ты палач, а не тупое умертвие.

– Я хочу жрать! – проревел Вьюго.

– Женщина вела себя агрессивно? – спросил разукрашенный гурон у надзирателей, не скрывая своего гнева.

– Да, жрец, – провинившиеся воины упали на колени и приложились лбами к каменному полу. – Мы сделали, что велел вождь. Северянин в последнее время слишком вялый, мы думали встряхнуть его новой жертвой. Мы ожидали, что он возьмёт её как женщину. Он ведь не ест ни живых, ни мертвых. Но чтобы он её умертвил.

«Возьмёт как женщину – сглотнув, я внутренне содрогнулась. – Значит, он палач».

Глава 13

Заглянув ещё раз в нашу клетку, гурон с силой ударил ладонями по прутьям.

– Мы не думали, – пробормотал надзиратель.

– Ааа, – разозлившись ещё сильнее, жрец пнул провинившегося в плечо, отчего тот повалился на спину. – А нужно было думать. Северянин уже давно чудит.

– Но был приказ, – пролепетал надзиратель, отползая назад.

– Был, но тебе глаза для чего? Где ты был, когда палач с катушек съехал? Вождь желал вечером насладиться ещё раз её боем. Или хочешь теперь пойти вместо неё?

Провинившиеся активно замотали головами.

– Ищите ей замену, – развернувшись, разукрашенолице двинулись на выход, следом на четвереньках поползли и надзиратели. Они искоса поглядывали на нашу клетку и были явно недовольны тем, что учудил Вьюго.

– Я хочу есть, – грозно прорычал им вслед мой спаситель, пугая меня до одури. – Я хочу еды.

Звуки шагов стихли.

Постояв немного, Вьюго размял шею и осмотрел соседние камеры.

– Кто рот откроет – пасть разорву, – грубо рявкнул он.

Услышав это, мужичок, что сидел за две камеры от нас, забился в уголок и заскулил. Остальные и вовсе лежали неподвижно и активно изображали покойников. Похоже, Вьюго здесь боялись до одури.

Вернувшись, он вновь опустил ладони в воду и размял пальцы. Бросив на испуганную меня короткий взгляд, неожиданно подмигнул.

– Всё будет хорошо, – шепнул он, – только слушайся меня, и делай, как говорю. Поняла? Я кивнула.

Отмыв руки начисто, мужчина просунул через решётку отобранную у мёртвого тряпку и разложил её в ручье, придавив камнем.

– Не отстирается, конечно, но, когда станет совсем холодно, будет ещё хоть чем-то укрыться, – прокомментировал он свои действия. – Тут бывает так, что и на стенах лёд образуется. Но я тебе мёрзнуть не дам. Ни замёрзнуть, ни голодать...

Он снова бросил тяжёлый взгляд на проход, откуда появлялись гуроны.

– Вьюго, – тихо шепнула я из-под одеяла, – ты ведь живой, а ведёшь себя как...

– Нет, – рявкнул он, – не нужно заблуждаться на мой счёт. Я мертвяк.

– Но...

– Не хочу с тобой когда-либо ещё об этом говорить. Я мёртв – ты жива, – грубо отрезал он. – Нужно придумать, чем тебя накормить.

Я невольно бросила взгляд на человеческие ошметки, раскиданные вокруг. Голова закружилась от осознания, что всё это происходит со мной. Сглотнув, я спряталась под одеялом.

Лежать на каменном полу было холодно и, признаться, я была уже согласна на любую тряпку, лишь бы она принесла хоть каплю тепла. Оставив себе щель для обзора, я осматривалась. Рыжуха напротив делала то же самое с хищным оскалом на устах.

Вспомнилась фраза гурона о том, что сегодня должен был состояться бой с моим участием. Трусливо зажмурившись, отвернулась от арены, которую было хорошо отсюда видно.

Кто-то чуть поодаль от нас громко застонал.

– Вьюго, – трусливо прошептала я, – отсюда ведь можно сбежать?

Сама мысль, что вот здесь оборвётся моя жизнь, свербила в моём разуме, вызывая панику.

– Не думай ни о чём, – негромко пробормотал неожиданный спаситель, – я позабочусь о тебе.

Он поднялся и прошёлся по камере. Его не смущала кровь под ногами. Остановившись у решётки, он призадумался.

Кто-то возвращался. Я слышала шлёпки босых ног, а, значит, это надзиратели.

И действительно в пещере появились несколько мужчин. Гуроны спешно прошли до третьей камеры от входа и, вытащив оттуда двоих, поволокли к выходу. Пленники визжали и брыкались. Один из них ухватился за нашу решётку и заорал.

– Живая девка, живая. Он её припрятал в... – крик внезапно захлебнулся. Вьюго, просто размахнувшись, приложился кулаком по голове пытающегося меня сдать гуроном мужика.

– Северянин! – рявкнул охранник. – Довольно! Приди уже в себя. На арену тебя сегодня пошлём. Развлекись. Слишком уж ты кровожаден.

Слышать это от гурон было странно и как-то неожиданно.

– Пожрать мне дайте, – холодно произнёс Вьюго. – Я голоден.

– Будет тебе пожрать, – бросил один из надзирателей. – Всё тебе будет, только уймись, палач.

Пленников, наконец, уволокли.

И снова крики и стоны. Я до такой степени от всего этого устала, что пыталась просто отстраниться от всего и закрыть глаза. Кто-то снова появился из коридора. Что-то звякнуло.

– Лестра, – сосед осторожно дёрнул меня за плечо, – ешь, красивая моя. Это хорошая еда.

Вьюго сел так, чтобы отгородить меня своей внушительной спиной от взора остальных. В руках у него была тарелка с чем-то молочно склизким. Из этого жуткого месива торчала ложка.

Схватив еду, я принялась поглощать её, не спрашивая, что ем и не замечая вкуса варева. Сейчас не время и не место капризничать.

Когда тарелка опустела наполовину, я вдруг опомнилась.

– Это ведь твоя пища, – ложка дрогнула в руке, – я оставлю тебе, прости...

– Ешь, девочка, – он по-доброму улыбнулся, – я не голоден вовсе. Это всё только для тебя одной.

– Но тебе ведь на арену, – я всё же попыталась вернуть ему тарелку.

– Ешь, сказал, – строго произнёс он. – Здесь этим не балуют: дают ровно столько, чтобы не издохли быстро.

Ерепениться не стала и быстро доела всё до конца. Забрав у меня тарелку, Вьюго про-сунул её через решётку и выбросил в коридор. Вернувшись ко мне, он откинул одеяло и лёг рядом. Не раздумывая, я прижалась к его руке, она была теплее, чем пол. Замерев, мужчина медленно перетащил меня к себе на грудь. Он осторожничал, словно боялся, что я оттолкну.

Лежать на нём было куда теплее. Мои глаза смыкались сами собой.

– Ты ведь действительно совсем меня не боишься, – шепнул он, – ни капельки.

– Нет, – пробормотала я в ответ, – ты очень вкусно пахнешь анчаром.

Именно эта мысль заставила меня встрепенуться. Распахнув глаза, я уставилась на него.

Горько усмехнувшись, он прижал меня крепче к своему телу.

– Не в этой жизни, моя малышка, – его пальцы пробежались по контуру моего лица. – Я подвёл тебя. Ты встретишь другого, и он обязательно будет лучше меня. – Нахмурившись, северянин очертил большим пальцем мои губы. – Ты очень красивая. Безумно красивая. Но, увы, слишком поздно для меня.

– Нет, – в моих глазах встали слёзы, – нет, слышишь. Не поздно!

– Я мёртва, моя Лестра, и телом, и душой. Моё место здесь в тумане.

– Стужу тебе под хвост, северянин, – ругнулась я любимым выраженьицем Обертон. – Я тебя сама отсюда вытащу, слышишь, и пинками доставлю домой. Ко мне домой. Сай! Да, он тебя исцелит. Вот так-то. Слышишь, Вьюго, я тебя заставлю жить.

– Моя смерть не единственное, что стоит между нами. Есть кое-что ещё, – он отвернулся, словно глаза от меня прятал. – Так что спи и ни о чём не думай.

– Только не говори, что ты женат, – подозрительно пробубнила я.

– Что? Нет, конечно, – он засмеялся, только звук этот вышел каким-то жалким.

– Тогда что? – я действительно не понимала.

– Лучше тебе об этом и не вспоминать, – подтянувшись, он улёгся на грудь какого-то хламья и устроил меня удобнее. Я ощутила его лёгкий поцелуй в волосы.

Да нас долетали стоны и крики тех, кому не повезло оказаться в пыточной. Ведь на месте одного из них могла оказаться я. Это леденило душу.

Прижимаясь к телу того, кто должен был стать моим избранным, вслушивалась в тихое и такое неспешное биение сердца. Чтобы он ни говорил, я душой ощущала, что это мой мужчина.

Этот уставший грязный агрессивный пленник, у которого хватило сил и воли выжить в этом аду и поставить себя так, чтобы ему ещё и еду приносили, заставлял моё сердце биться громче.

Вокруг витал запах анчара. Он словно заполнял мой разум, гася все негативные эмоции.

В пещере, наконец-то, стало тихо. Гуроны вернули измученных пленников в клетки, и снова воцарился покой.

Глава 14

Наблюдая за жителями этой пещеры, я невольно сжимала ткань мужской одежды. На живых тут мало кто походил. Большинство лежало, скрючившись, на каменном полу. Кого-то разбивал тик, и я отчётливо понимала, откуда такое состояние. Призадумавшись, я вдруг представила, что было бы со мной, не приюти меня Вьюго под своим боком.

Да, может быть, выжила. Да, дождалась бы братьев Бессон. Но вот вопрос, а в каком состоянии они бы меня нашли. Вот такую вот, смотрящую в одну точку с трясущимися руками и бубнящую что-то нечленораздельное.

Сомневаюсь, что кого-то из этих несчастных можно вывести из такого состояния. Прикусив губу, я уткнулась носом в грудь мужчине.

– Что такое, – тихо шепнул он, – не смотри ни на кого. Не нужно тебе всё это видеть.

Зажмурившись, я шумно выдохнула и обняла мужчину за шею.

– Пытают только живых? – тихонько спросила я, поставив подбородок на его плечо. Мне нравилось видеть его лицо, особенно глаза. Такие необычные, яркие. Цвет молодой листвы. Я ещё ни разу не встречала таких пленяющих очей. В них утонуть можно было.

– Да, живых. Мёртвых не тревожат. Эмоций в нас остаётся мало. Злость да голод. Что с нас взять, – ухмыльнувшись, ответил мужчина.

– Вы сражаетесь на арене? – допытывалась я.

– Для этого нас и держат. Некоторые работают снаружи: те, кто уравновешенней и покладистей.

– А ты, значит, бунтарь, – сделала я свои выводы.

– Скорее съехавший с катушек, – улыбнувшись, он, то ли пошутил, а то ли правду сказал.

– И много бойцов здесь? – я приподняла голову и снова осмотрелась.

Вьюго призадумался.

– Немного, – услышала я от него. – Шестеро осталось, доходягу ты сломала.

– Доходягу? – я вмиг вспомнила того худосочного мужичка, что мне пришлось повторно умертвить на арене. От этого воспоминания у меня мурашки по спине пробежались.

– Угу, когда-то он отлично дрался, – пожав плечами, пробормотал Вьюго, – но в последнее время сильно сдал. Смерть своё взяла.

– Ты хорошо знал его? – мне стало совсем не по себе. Вьюго говорил о нём, как о приятеле.

– Да, были друзьями. Сражались и в плен попали вместе. Я, наверное, сразу умер. Он ещё какое-то время держался. Даже на бой выходил живым, знатно тут мертвяков проредил. А потом... – недоговорив, Вьюго умолк и тяжело вздохнул.

– Что потом? – в нетерпении потребовала я продолжение рассказа.

– Да, ничего. В пыточной умер. Как и все мы. Новых пленников долго не было, гуроны взялись за тех, кто ещё хоть что-то чувствовал. Вернули его уже мёртвым. Он всё мечтал бежать, план придумал. Хороший, всё у него могло бы получиться, только вот не дождался удобного момента. Не свезло.

У меня глаза защипали. Выходит, тот, кого я убила, и не был таким уж злодеем.

«Нет, это было мертвие, – попыталась убедить я себя в обратном, – души того человека там не было. Только тело. Не человек».

Сглотнув, я глубоко задышала, пытаюсь успокоиться.

– Вьюго, но если ты умер первым, то почему выглядишь как живой? А он – словно его из могилы выкопали, – спросила я первое что на ум пришло.

– Да, кто его знает. Может, душа не даёт телу опуститься. Или туман свои планы на меня имеет. Мне это не ведомо.

– Туман? – кажется, мой голос дрогнул. – Ты отравлен?

Мужчина засмеялся.

– Естественно, Лестра. Я же мертвяк.

– Не говори так, – зло рыкнула я. – Для меня ты живой. Душа на месте, значит, всё замечательно.

– Ничего замечательного в моём существовании нет, – Вьюго вмиг стал злым и грубым. – Я попытаюсь выгнать тебя отсюда. Дотащу до границы тумана, а после ты меня добьёшь, чтобы я не ходил тут неприкаянным до окончания времён.

Услышав такое, я замотала головой. Вот уж чего никогда не сделаю.

– Ты пойдёшь со мной, – упрямо заявила я.

– Нет, – рявкнул он, – ты меня уничтожишь. И это не обсуждается. Туман не выпускает свои жертвы. Мы всегда возвращаемся к нему.

– Ой, много ты знаешь, – я отмахнулась от него. – Моя семья не раз твой туман на хвосте вертела. Не пойдёшь со мной сам, я сюда войско клана Бессон сгоню, и никуда ты не денешься.

– Лестра, о чём ты толкуешь. Вартеса, молодая красивая, одурманивающие пахнувшая...

– Чем пахнувшая? – перебила я его.

– Сиренью, тот самый запах весны и цветущего сада, – мечтательно произнёс он, и тут же словно отдёргнул себя. – Это для меня ты единственная. А у тебя будет ещё столько вариантов, ты выберешь кого лучше. Не мертвяка.

– Нет, – я сама не знала, откуда у меня такая уверенность, но... – Мне нужен ты. И, Вьюго, знал бы ты меня лучше, понял, что я от своего не откажусь.

– Тема закрыта, – зло проворчал он.

Без церемоний и ничего не спрашивая, я забралась на него верхом и устроилась на его груди.

– Чтобы ты там ни говорил, а мёртвые не греют, – положив голову ему на грудь, прикрыла глаза и погрузилась в лёгкую дремоту.

– Северянин вставай, мы тебе мясо свежее привели, – в моё сознание врезался неизвестный шипящий голос. Вздрогнув, я не сразу поняла, где я.

Испугавшись, дёрнулась, и тут же чья-то тяжёлая рука опустилась на мою спину.

– Хватит обниматься с трупом. Скоро промывка, всё равно её унесёт.

– Не унесёт, – рявкнул... Вьюго, воспоминания лавиной обрушились на моё сознание. – Я своё не теряю.

– На арену, – раздалось снаружи, – слишком ты активен.

Осторожно сдвинув с себя на пол, Вьюго натянул одеяло мне на голову.

– Что на мясе будет, то моё, – проворчал он странным словно чужим голосом.

– Всё, как всегда, палач, ты становишься жаднее.

– Дохлые тоже чувствуют холод, гурон, мой запас жратвы под одеялом не тронь.

– Да, кому нужна твоя дохлая девка. Зря ты её, мог бы и тёпленькой пользоваться.

– Тёпленькие громко орут, – хохотнул мой северянин, – а мертвяки сговорчивее.

– И вкусно пахнут страхом.

– Дерьмом они воняют, – рявкнул Вьюго, – потому как гадят под себя с перепугу.

Гурон противно захохотал, а я не могла поверить, что это речи моего мужчины. В памяти что-то шевельнулось. Будто слышала я уже этот ленивый безэмоциональный голос. Только вот где?

Лязгнула решётка, и мой заступник не спеша покинул камеру.

Его не тащили, не волокли.

Нет, он шёл сам.

Спокойный, равнодушный и очень пугающий.

Войдя на арену, Вьюго лениво прошёлся до середины и замер там.

В коридоре послышался шум.

В помещение буквально втащили несколько трясущихся мужиков. Следом вальяжно вошла делегация гурон.

Собирались зрители.

Пленников запихали по маленьким клеткам, как и меня совсем недавно.

Наблюдая за происходящим, я заметила, как местные ползком подтягиваются к решёткам своих камер, чтобы посмотреть бой. Это как-то задело. Неужто не насмотрелись ещё.

Вьюго абсолютно спокойный стоял на арене и не сводил взгляд с усевшегося на каменный трон вождя.

– Северянин, – обратился к нему хозяин подземелий, – порадууй уж меня.

Вьюго даже вида не подал, что внял просьбе. Как стоял равнодушным столбом, так и продолжал делать вид, что ему всё вон до той плесени на стене.

– Кого ему в соперники, вождь?

Упавший на колени размалёванный жрец подполз к своему владыке и, произнеся эту фразу, со всего размаху, кажется, припечатался лбом об пол.

Разукрашенный чёрными узорами по всему телу гурон зорко осмотрел камеры и остановил свой взгляд на мне. И хоть я и была укрыта одеялом, а создавалось впечатление, что он видит мои глаза. Словно в душу заглядывает. Меня передёрнуло от страха.

– Женщину, – вождь плотоядно растянул губы в улыбке. Мне очень хорошо было видно его лицо.

– Какую, мой повелитель? – голос жреца предательски дрожал.

Я так и вовсе дышать перестала. Почему-то решила, что на арену потащат меня. Вот сейчас он откроет рот, и придут за мной.

– Какую ты хочешь, северянин? – вождь явно веселился.

– Я сыт, – Вьюго лениво прошёлся взглядом по камерам, где спешно забились по углам малочисленные женщины, больше напоминающие покойников.

– Может, ту, что в твоей камере? Ммм? – вождь открыто смеялся.

Вьюго пожал плечами.

– Ничего не скажешь мне? Ты сегодня общительный, северянин. Давно я не видел тебя в таком хорошем расположении духа.

– Мне понравился подарок, мой повелитель. Жаль будет его уничтожать, – Вьюго бросил короткий взгляд на меня, высывающуюся из-под одеяла. – Она ещё не совсем остыла.

– Ну, раз ты оценил мой дар, то не буду тебя обижать, раб? – вождь казался очень довольным. – Рыжую сюда.

Напротив меня в камере зарычала, что зверь, рыжуха. Она буквально запрыгнула на решётки и оскалилась. Ничего человеческого в её поведении не осталось.

Глава 15

Меня трясло как в лихорадке. Рыжая бесновалась. В её глазах, красных, мутных, разум не проглядывался. Бешеный зверь с человеческим лицом. Заледенев от ужаса, я понимала, что могу выдать себя эмоциями, но ничего не могла поделать. Это было сильнее меня.

– Ведите сюда нашу новую игрушку, – скомандовал жрец.

Сглотнув, я проследила, как гуроны бросились исполнять волю своего повелителя. Лязгнул металл, и Рыжая истошно завопила. Вцепившись в одеяло мёртвой хваткой, я замерла.

А если бы вождь не повёлся?

Если приказал бы вытащить меня? Они ведь думают, что я свежее ещё не остывшее умертвие.

Я затравленно глянула на арену и мужчину, что со скучающим видом ждал, когда ему приволокут жертву на убой.

А что если бы вместо Рыжей оказалась я.

Что сделал бы Вьюго?

Убил бы! Я не сомневалась в этом. Ведь, отказаться от боя никак. И выбора-то никакого и нет.

Мне стало действительно страшно.

И что значит, это его: «Я сыт».

Нет, даже думать не хочу.

Нет, нет, нет!

Когда он потребовал еду, ему принесли суп.

Суп, а не чью-то конечность!

Откинув краешек одеяла, я осторожно выглянула через груды хлама. Рыжую буквально впихнули на арену и спешно прикрыли за ней дверь.

Зашипев змеёй, мертвячка забила в угол. Но как жертва не выглядела, скорее как гадюка, притаившаяся за влажным камнем.

Гуроны натурально заржали. Им всё это было в радость. Монстры ликовали, ожидая кровавую бойню.

– Ты смотри! Уже сдохла, а всё ещё за свою шкуру трясётся. Живой её сюда тащить нужно было, – весело захопал в ладоши вождь, меня передёрнуло от вида его радостной рожи. – Давай, северянин, потешь нас. Она боится тебя, ох, как боится.

Ухмыльнувшись, Вьюго смело пошёл на мёртвую. В его намереньях и сомневаться не приходилось. Взгляд женщины лихорадочно метался по арене. В том, что она прекрасно сообщает, и сомневаться не приходилось. Тупым умертвием её не назовёшь. Зажав в углу, северянин попытался схватить Рыжуху. Но та оказалась больно прыткой: проскользнув у него под рукой, она громко зашипела и ударила наотмашь. Острые коготки скользнули по плечу Вьюго, оставляя красные полосы. Зарычав, мужчина схватил её за запястья и затолкнул обратно в угол.

Отчего-то я думала, что сейчас палач просто, играючи, искалечит остывающее тело женщины. Но нет. Рыжая не желала прощаться с остатками жизни. Это было странно, ведь в её теле не осталось души. Тогда, что же двигает ею. Что заставляет так отчаянно хвататься за жизнь.

Женщина нападала, оставляя на теле северянина длинные царапины, на их поверхности собирались красные масляные капли густой бордовой крови.

Гуроны ликовали.

В какой-то момент Вьюго неудачно замахнулся, и женщина скользнула ему за спину и оседлала, запрыгнув сверху. Град ударов посыпался на шею моего мужчины. Я и не заметила, как выползла из-под одеяла, готовая бросится на помощь. Пришла в себя, только когда упёр-

лась руками в решётку. Осознав, что выдаю нашу с Вьюго маленькую тайну, на четвереньках снова заползла в угол и укрылась куском ткани.

Тем временем, страшно зарывчав, северянин резко изменился в лице. Покрутившись на месте, он с размаху впечатался спиной в решётку. Естественно, вся сила этого удара пришлась на Рыжуху, которая и не подумала соскочить. Послышался громкий хруст.

Резко отпрыгнув, Вьюго развернулся. На его лице легко читалась неконтролируемая ярость и бешенство. Размяв расцарапанную шею, он схватил поверженное умертвие за лицо.

И медленно обернулся в сторону вождя.

Он ждал приказа.

Как послушный раб.

– Оставь её, – махнул рукой размалёванный владыка этого мерзкого подземелья. – Сохраним её на ещё один разочек. Уж больно прыткая.

Пожав плечами, палач просто отпустил женщину и отошёл, но спиной к ней не поворачивался.

– Да, развлёк ты меня, мертвяк, – вождь расплылся в премерзкой улыбке. – Как дар – оставляю тебе женщину до следующего боя. Ту, что в твоей клетке. Поиграйся с ней, развлекись. А после убьёшь на арене. Мне будет интересен этот бой. Принимаешь мою милость?

– Принимаю. Я успею насладиться сполна, – ровно произнёс Вьюго. Ни один мускул на его лице не дрогнул, а мне стало откровенно страшно.

Один за другим гуроны неспешно покинули пещеру. Я была удостоена внимательным взглядом нескольких жрецов. Наверное, они догадались.

Знать бы наверняка.

Только после того, как последний из них скрылся из виду, арену открыли. Скрутив скулящую женщину, надсмотрщики, не церемонясь, потащили её по узкому проходу. Щёлкнула решётка и она оказалась взаперти.

Вьюго же неспешно возвращался сам. Он растирал шею и странно поглядывал на свои ладони, испачканные кровью. Остановившись, подождал, пока ему откроют дверь в нашу камеру.

Кивнув надзирателям, спокойно вошёл.

Дверь за его спиной лязгнула, выводя меня из ступора.

Вьюго свои эмоции ничем не выдавал. Спиная останки бывшего сокамерника в кучу, он задумчиво прошёлся по камере.

Тишина давила и заставляла нервничать.

Моё терпение тлело. Я была готова кричать, визжать, но вместо этого смиренно лежала под одеялом. А Вьюго всё молчал.

Моего слуха коснулся тихий скулёж. Рыжуха! Видимо, хорошо ей досталось от северянина. Но жалости по отношению к ней я не испытывала. Может, была бы она жива... но сострадать пустой оболочке, жестокой и кровожадной, нет, на это я сейчас не способна.

– Эй, вы, – заорал вдруг мужчина, – помывка когда?

Тишина. Вьюго зарывчал, да так, что у меня волосы на затылке дыбом встали.

– Что шумишь, палач? – рявкнул появившийся гурон – надзиратель. – Вроде и прогулялся уже и развлекли тебя. Что опять беснуешься?

– Помывка, – процедил Вьюго. – Когда будет открыт шлюз?

– Через три дня, – махнув рукой, гурон развернулся на выход.

– А раньше никак? – догнал его вопросом северянин. – Мне нужно раньше!

– Три дня, – гурон повернул голову и, шутившись, глянул на мужчину в клетке. – Ты, покойник, ещё условия ставить смеешь!

– Раз нет, значит, убери тут, – не обращая внимания на охранника, рявкнул мой спаситель.

– Совсем страх потерял! – на широком лице надзирателя заходили желваки. – Знай своё место. Ты всего лишь мертвяк.

– Мне нужна помывка, – упёрто рычал Вьюго.

– Через три дня, – рявкнул надзиратель и удалился. Я отчётливо слышала его шаги.

– Вот и славно, – шепнул мой сосед, – три дня – это очень даже славно.

Пройдясь взад-вперёд, он, наконец, бросил на меня пристальный взгляд.

– Нас, кажется, разоблачили. Скорее всего, уловили твои эмоции, – поджав губы, он ухватился рукой за решётку. – Это очень-очень плохо, чернявая моя.

От осознания того, что он только что сказал, у меня в голове помутилось.

– Они заставят меня драться? – дрожащим голосом пропищала я.

Вьюго не ответил. Отвернувшись, внимательно обсматривал соседние камеры. Что тво-рилось в его голове? Непонятно!

– Три дня, – пробормотал он, – это много. Слишком много.

– Вьюго?! – он начинал меня откровенно пугать.

Подняв руку, мужчина покачал пальцем, призывая меня к тишине.

– Нужно больше трупов, – вот после этих его довольно громких слов стало действительно тихо. Даже Рыжуха скулить в своей камере перестала.

– Ты что задумал?

– Ничего особенного, – хмыкнул северянин, – нужно просто больше трупов. Вождь не приходит на бой, когда очень много трупов.

Я села. Таится больше смысла не имело. Раз Вьюго сказал, что я раскрыта, так комедии ни к чему.

– Что ты хочешь сделать? – я не могла и дальше трястись здесь в неведении. – Они заставят тебя меня убить? Так ведь!

– Да, не всё так просто. Убить это слишком легко. Вождь поиграет на славу. Скорее всего, заставит меня посмотреть, как тебя терзают, а потом смилостивится и позволит добить. У него богатая фантазия. И я видел, как он проворачивал такое и не раз. Мёртвые, конечно, не живые, но и у нас остаются чувства. И нам можно причинить боль.

Глава 16

Вздрыгнув, я покосилась на арену.

– Помывка, – снова процедил сквозь зубы Вьюго.

– Может, обойдётся – неуверенно шепнула я. – А зачем нам, вообще, эта помывка.

Кое-что об этом я слышала. И радости в меня эти знания не вселяли. Подняв голову, уставилась на каменный круг высотой несколько метров. Наверное, это и есть те самые шлюзы, которые открывают, чтобы очистить помещение. Я представила, какой поток воды оттуда устремится. Это немислимо.

– Нас точно не смоет? – охрипшим голосом спросила, не сводя взгляд со стены.

– Смоет, – рыкнул северянин, – обязательно смоет. Только дожить надо. Три дня как-то продержаться или ускорить это событие. Вождь нетерпелив, он не будет ждать так долго. Не станет.

Я окончательно запуталась. Несколько дней кошмарного похода по лесу, плен гурон, смерти женщин, клетка, арена, а теперь ещё и это. Закрыв лицо ладонями, только и смогла, что тяжело вздохнуть. Даже заплакать сил уже не было. Да и эмоционально я была истощена. Страх и тот пропал.

Я сама виновата.

Жизнь мне преподала один урок, да, видно, я не уяснила.

Посчитала себя слишком самостоятельной.

А теперь мне придётся принять последствия собственной же глупости.

Поёжившись, обхватила себя за плечи. В пещере становилось холоднее. Пленники кутались кто во что. А я сидела практически на каменном полу. Мой плащ и тонкое одеяло совсем не грели.

– Просто убей меня, тихо и безболезненно. Ты наверняка это умеешь, – эти слова сами вырвались. Хотя они полностью соответствовали моим мыслям.

Я слишком любила эту жизнь, чтобы с ней расстаться по доброй воле. Но если меня всё равно убьют, то тут уж лучше выбирать меньшее из зол. Я полностью погрузилась в себя, понимая всю безысходность положения.

Кто-то схватил меня за подбородок, больно сжимая. Не ожидая такого, я дёрнулась и подняла взгляд. На меня в упор смотрел очень злой Вьюго. В его глазах горело неистовое изумрудное пламя.

Древняя кровь. Она кипела, наполненная тёмной магией.

Наверное, при жизни он был очень сильным магом.

– Никогда не произноси при мне такие слова, – прошипел он, – не смей напоминать о своей смерти. Ты будешь жить, ясно. Тебе это понятно?!

– Я... – но слова не шли. Мне оставалось лишь бестолково хлопать ресницами.

– Я спросил: тебе ясно? – прорычал он громче.

Испугавшись, окончательно потеряла дар речи, что случалось со мной крайне редко.

– Они всё равно меня убьют, – пролепетала я. – С подземелий живыми не выбирают. Да, что там живыми, и мёртвым не уйдёшь.

Мои слова мне казались логичными и правдивыми.

– Закрой рот, – рявкнул грубо он, а потом, словно опомнившись, удерживая подбородок одной рукой, погладил костяшками пальцев мою щеку. – Прости, – его шёпот эхом разнёсся по камере, – я не имею права даже голоса на тебя повышать. Я просто растерян. Надо успокоиться и всё обдумать. Я уведу тебя отсюда. Не отдам никому, слышишь. Мы выберемся, просто верь в меня.

Всмаатриваясь в его глаза, я понимала, что он верит в то, о чём толкует. И это, казалось, чуточку ненормальным. Хотя любой северянин наизнанку вывернется ради своей единственной.

Я невольно усмехнулась. Всё-таки боги жестоки. Я ведь так искала его. Ради избранного и рванула тайком с этим обозом. Чтобы найти, не варда и не гера, а того, кто любить меня будет. Это жестоко найти его здесь.

Моя губа дрогнула, слёзы подкатили к глазам.

– Где же ты раньше был, до этого плена? – выдохнула, обнажая свои истинные чувства перед ним.

Мужчина, услышав мои слова, стиснул зубы.

– Здесь и был, Лестра, – тихо выдохнул он.

– Значит, судьба у нас такая, – я всё-таки удержала слёзы. Они сейчас были не нужны ни мне, ни ему.

Отпустив мой подбородок, Вьюго встал. Прошёлся по клетке словно зверь, запертый в неволе. А затем, ухватившись за решётки, зарычал. Звук эхом разнёсся по пещере, уходя куда-то вверх.

– Северянин, – рявкнули с коридора, – будешь буянить, я тебя завтра по клеткам пушу трупы сгребать.

Вьюго замер.

Его взгляд метнулся по камерам. На губах мужчины расцветала зловещая улыбка, от которой становилось не по себе. Резко отстранившись, он ударил ладонями по металлическим прутьям. Стены клетки задрожали, сверху посыпались камни.

– Вьюго! – испугалась я. – Успокойся.

Но куда там, он буйствовал и сейчас действительно походит на мертвяка. Если бы не кровь на шее, я и не усомнилась в этом.

Здрав голову, высматривала, откуда камнепад. Решётки крепились к своду пещеры. Там вверху обнаружился странный механизм, назначение которого я не понимала.

На пол упало ещё несколько крупных камней, но Вьюго не успокаивался. Он бил ещё сильнее, раскачивая стены. Казалось, он просто сошёл с ума.

– Чего ты добиваешься? – рявкнула я. – Чтобы меня или тебя камнем прибило?

Он быстро оглянулся и одарил меня очень суровым взглядом, в котором не было ни намёка на бешенство. Только холодный расчёт.

– Они падают в центр, – процедил он, – там, где ты находишься, совершенно безопасно. А сейчас, моя красавица, сиди и помалкивай, а я буду тебя спасать.

Ничего не понимая, сделала, что сказали. Всё равно от меня уже ничего не зависело.

Вьюго продолжал методично биться об решётку. Камни летели вниз, отскакивая в разные стороны. Чтобы меня не зацепило, я накинула на голову одеяло. Не ахти какая защита, но всё же.

Войдя в раж, Вьюго развернулся и приложился о решётку так, что она двинулась вперёд. Вот если бы не его последняя реплика, я бы решила, что у мужчины припадок.

Но как бы там ни было, а тупое умертвие он изображал мастерски.

– Да, что такое? – в помещение ворвались три лысых гурона. – Тебе чего не хватает, северянин? Девку дали, на арену выгуляли. Что ты бьёшься, как тупой дохляк. Мозги в уши вытекли? Доиграешься, что добьют тебя жрецы.

Вьюго даже не взглянул на надзирателей, он продолжал упорно дёргать металлические прутья.

– Северянин, – гуроны, подскочив к клетке, замахнулись, но в последний момент Вьюго поймал в ладони наконечник узкой шипованной дубинки. – Ну, что тебе неймётся? – рявкнули надзиратели и отошли на шаг.

– У меня не стоит, – прошипел Вьюго.

Мне потребовалось пару секунд, чтобы понять, о чём он. Что у него не стоит? Но после осознания, кажется, я по самые пятки залилась краской стыда. Ну, Вьюго. Ну, слов на него нет. Придумал же себе проблему и повод побуянить.

– Мда, незадача, – хмыкнул гурон, – что же ты хочешь. Не живчик уже, как-никак.

– Выпусти, – рявкнул северянин, – дай пройтись.

– Хм, – гуроны оглядели пространство, – а чего, всё равно годных полудохликов скажут перед помывкой собрать в кучу, чтобы не уплыли. Иди пройдишь, собери трупы. Посмотрим, кто там у нас ещё дышит.

Дверь в нашу камеру отворилась.

– Выходи развейся, палач, – гурон ударил Вьюго по плечу. – Что делать знаешь.

– Живых утащить к стене, мёртвых – в центр камеры.

Гуроны закивали, один из них бросил на меня пристальный взгляд, пытаюсь рассмотреть лицо, скрытое одеялом.

– Глядишь, может от работы кровь и разгонится, а там и девке твоей счастье прилетит. Она у тебя свежачок.

– Ага, – кивнул Вьюго и с самой премерзкой улыбкой на губах прошёлся по коридору.

А дальше.

Нет, этот мужчина был двуличен, и я не понимала, где он настоящий. Тот Вьюго, что защитил и пригрел рядом с собой, или всё же вот оно его истинное лицо. Северянин, умертвие с чёрной душой, что ходит из камеры в камеру и спокойно за ноги тягает умоляющих его о пощаде пленников. И не все живые отправлялись к стене. Далеко не все.

Что-то дрогнуло в моей душе. Память шевельнулась.

Но образа не возникло.

Глава 17

Я сидела тихо в уголке и не знала, как всё происходящее воспринимать адекватно. Дрожа всем телом от холода, видела, как мой северянин методично складывает покойников в центр камер. При этом готова была поклясться, что некоторые из них были ещё живы до прихода Вьюго. Я была в этом уверена.

Я своими глазами видела, как они ползали по полу во время боя на арене.

Я слышала, как они молили о пощаде.

Я это слышала!

А сейчас в камерах практически не оставалось живых.

Слова Вьюго о том, что нужно больше трупов, звенели в моей голове.

Прижав ладони к лицу, я ощущала чудовищную вину перед всеми обитателями этого жуткого места, живыми и мёртвыми. И мысленно сама себе клялась, что, если выживу, вернусь. Не одна, а с войском клана. Нужно будет, умолять стану вардигана. Но вернусь! Я всё сделаю, чтобы это место сгнуло. И не позволю убить никого, кто здесь окажется. Пусть идут своей дорогой в туман. Потому как даже у мёртвых, оказывается, есть чувства.

Но как выбраться?!

Я не хотела верить, что все мы тут были обречены.

Да, под нами несколько ярусов подземелий, кишачих гуроном. Это же город в скале. И выбраться беспрепятственно просто невозможно.

Может быть, то, что делал сейчас северянин, и было истинным милосердием, но я видела лишь убийства.

Ни один мускул на лице мужчины не дрогнул, когда он оттаскивал очередное тело. Замерев, я представила на его месте мужчин своей семьи. А они смогли бы так? Стал бы Итан убивать ради Ниори. Каил ради Амэллы.

Да!

Стали бы. Я даже не задумывалась над ответом: они истребили бы тут всех.

Это немного привело меня в чувства. Нет, я не приняла, но поняла действия северянина.

Закрыв глаза, постаралась не слышать редкие стоны боли. Я ничего не могла изменить.

От меня ничего не зависело.

Двери камер открывались и закрывались.

Лязг металла царапал душу. Люди умирали. Хрипы, редкие стоны. Я пыталась себя убедить, что эти звуки издают те, кто прочно держится за прутья решётки. Но таких тут было мало.

Вьюго продолжал спокойно, даже как-то обыденно выполнять поручение гурон. Я призадумалась, глядя на происходящее. Видно, что мой мужчина здесь был на особом положении. И вещей у него куча и клетка с допуском к воде.

Поорал – есть принесли.

Не простой он пленник, хоть и за решёткой сидит. Знать бы, отчего такие поблажки. Да и гуроны снисходили до разговоров с ним. Словно он один из них. Я замотала головой из стороны в сторону. Нет, он пленник. Иначе не было бы тех угроз вождя. Просто, видимо, старожил.

– Готово, – услышав голос Вьюго, я вздрогнула. Столько холода в нём было. Со мной он разговаривал иначе.

– Что так много? – удивился надсмотрщик. – Когда они успели все подохнуть?

– Вы бы жрать чаще давали, больше живых осталось, – с ленцой отозвался Вьюго. –

Никого ценного там не было. Сплошное мясо.

Войдя в одну из клеток, гурон склонился над покойниками. А потом махнул на них рукой.

– Скоро новых пригонят. С южной стороны большой улов. Это даже хорошо, что мы в туман пришли. Раньше так сытно мы не жили.

– Смотрите не пережрите, – рыкнул палач.

– Что-то ты разговорчив сегодня, – гурон, подняв дубинку, ткнул ею в живот северянину. – Плохо баба на тебя влияет. Ну, может, встанет, так и жизнь новыми красками заиграет. Вьюго ухмыльнулся, но смолчал.

– Ладно, иди к себе, – надзиратель махнул в сторону нашей камеры. – Будем думать, что делать.

– Вождь не любит, когда много покойников и мало зрителей, – пробурчал мой мужчина, как бы невзначай.

– И без тебя знаем, – отмахнулся надсмотрщик. – Нельзя злить владыку.

– Лучше это смыть и заселить новым сбродом, – не унимался Вьюго.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.